
Анна Красноперко

Письма моей памяти

НЕПРИДУМАННАЯ ПОВЕСТЬ

С белорусского.

Перевод

Галины Куреневой

Наверное, на протяжении всех лет прошлой войны фашисты отчаянно пытались в своем разбойничьем поведении совместить две трудносовместимые вещи — тотальное уничтожение миллионов и максимальное извлечение из них выгоды в виде подневольного, по существу, рабского труда. Очевидно, по этой причине еврейское гетто в оккупированном Минске просуществовало гораздо дольше, чем в других городах Белоруссии, и агония многих тысяч евреев минчан растянулась на долгие месяцы.

Что это была именно агония, медленное и мучительное умерщвление огромной массы людей, свидетельствует это документальное повествование, принадлежащее перу одного из тех его героев и мучениц, кому непостижимой волей судьбы посчастливилось выжить. Пусть читатель не ищет здесь красот литературного стиля или эффектных описаний борьбы, это скорее сцепление разрозненных фактов и сцен, калейдоскоп человеческих лиц и поступков, от которых тем не менее, тривиально выражаясь, стынет кровь в жилах. Теперь, спустя десятилетия после тех страшных лет, трудно, порой непереносимо читать обо всем пережитом павшими, расстрелянными, замученными, равно как и немногими (по существу, единицами) перенесшими невообразимые муки и чудом выжившими. Листая эти страницы, как бы окунаешься в призрачный, непостижимый мир адского

существования в условиях непреходящего голода, произвола властей, полицейских издевательств, частых кровавых расправ — по поводу и без всякого повода. Перед взором читателя проходят десятки людей различных национальностей, различной классовой принадлежности, примеры разнообразных проявлений человеческой сущности — от самых низменных до самых высоких, порой просто вызывающих восхищение даже с позиций самой взыскательной нравственности. Наверное, именно в этих сверхэкстремальных условиях на грани жизни и смерти с наибольшей наглядностью проявилась неуязвимая сила истинной дружбы и подлинного интернационализма. Лучшие люди различной национальной и классовой принадлежности (многочисленные белорусские грузыя героини, немец Отто Шмигт, немецкая девушка Ингрид, солдаты-итальянцы) нередко жертвовали своим благополучием и самой жизнью ради жизни других. Именно такие отношения как нельзя лучше свидетельствуют о неистребимых истоках человеческой доброты и общечеловеческих ценностей, о важности которых так остро заявили наше время. Впрочем, комментировать это повествование трудно, да и есть ли в том надобность? Надеюсь, благодарный читатель сам в состоянии разобраться в значении и достоинствах еще одного документа страшной эпохи, бесхитростного свидетельства о судьбах уходящего поколения.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Я долго избегала тебя, моя Память!

Более сорока лет. Но ты оказалась сильнее. Заставила воскресить минувшее. А за мою временную измену отомстила: не все из прошлого сберегла. Поэтому я и вынуждена в своем рассказе изменить некоторые имена, фамилии.

...В этой книге — пережитое в минском гетто. Использованы записи бывших узников гетто, моих знакомых, врача Берты Моисеевны Брук и ее семнадцатилетней дочери Ляли, которые потом стали партизанами.

Вывели бумага, чернила, карандашные записи. Но по-прежнему кровоточит, болит каждая строка этих записей. Пусть же они сольются с моими воспоминаниями.

КЛЮЧ ОТ ПЕПЕЛИЩА

1 июля 1941 года мы возвращаемся в Минск. Он искалечен, выжжен, превращен в руины.

Блуждаем по городу. Ищем знакомых. Ищем еду. Раздобыли паутку. Люди берут ее на «Коммунарке». На кондитерской фабрике. Покуда немцы не спохватились, ведрами носят сладкий харч.

У нас нет ведра. Мы с Инной носим ее в банках. Рады, что будет чем подкормить бабушку. Где теперь мама? Две недели назад она поехала в командировку. Где воюет папа? Где будем сегодня ночевать?

Снова ходили на свое пепелище. Не могу выбросить ключ от квартиры, который никогда уже не понадобится. В ушах звучат слова отца:

— Вот вам, дочушки, ключ от квартиры, а я — на фронт.

— Что, уже есть повестка из военкомата?

— Да нету пока, но надо идти...

Поцеловал нас на прощание и пошел...

Потом началось то, о чем и вспоминать жутко. Бомбежки, пожары, заваленное газоубежище, из которого бабушке, Инночке и мне чудом удалось выбраться. Из пылающего города на Могилевское шоссе нас вывел сосед, работник белорусского радиокомитета.

— Идите на восток, — посоветовал он на прощание, — а я с красноармейцами.

Мы в колонне беженцев — голодные, бесприютные. Бабушка идти не может, сердце слабое. Мы с Инной ведем ее, помогаем ей, беспомощной, как можем. Беженцы растянулись, бредут по шоссе. Сбитые ноги, заплаканные глаза, детский плач.

И эти бесконечные бомбежки...

Добрели до Дукоры. Бабуля больше не может идти. Обессиленные, падаем на сено. И снова бомбы!

Следом слышатся рокот мотоциклов, крики, чужая речь.

Немецкие мотоциклисты в Дукоре. Неужели Минск занят?

Нас выгоняют с гумна, выводят на улицу. Там уже толпа беженцев, тех, кто уцелел во время бомбежки. Приводят к магазину. Немцы выносят разные вещи, трясут ими перед нами, суют силком в руки. Мы понимаем, для чего это делается — идет киносъемка.

Потом начинают хватать людей...

— Коммунистен! Юден!

...Страшный, тяжкий путь назад, в Минск. Что нас ждет? Знаем уже, что дом наш сожжен. Только ключ в руках...

Думаем о маме. Может, она вернулась из Волковыска? Может, уже ищет нас?

...И вот мы в Минске. Нет ни мамы, ни отца. Я в ответе за бабулю, за сестренку.

Ищем пристанища.

ЗА НЕПОВИНОЕНИЕ — СМЕРТЬ

К сожалению, это не слухи. В Дроздах, что под Минском, немцы устроили концентрационный лагерь. Там военнопленные, а также гражданские, которых схватили в городе. Идут среди них командиров, комиссаров Красной Армии, коммунистов, евреев. Их ждет расстрел.

Всюду объявления: мужчины в возрасте от 15 до 45 лет должны зарегистрироваться в комендатуре. За неповиновение — смерть.

Недавно мы с Инночкой видели такое. По Советской, около Большого сквера вели колонну военнопленных. И вдруг один из них, молодой, высокий, с забинтованной головой, запел: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой». Песню подхватили. Зазвучала знакомая мелодия.

Что тут началось! Пальба, крики! Убитые на бульжной мостовой. За неповиновение — смерть!

ЧУМА

Еще из недавнего довоенного времени вспоминаю выражение «коричневая чума». В Германии фашистские молодчики носят коричневые рубашки. Здесь же они в серо-зелено-черном. Особенно мы боимся тех, кто в темно-серо-зеленой форме с черным воротником, на котором в серебристом четырехугольнике две, как зигзаг молнии, буквы «SS». У них серебристые плетеные погоны. На рукаве — орел. Ремень с пряжкой, на ней надпись: «Gott mit uns»¹. Парадная форма у них черная, воротник и манжеты с серебристой окантовкой.

Жутко глядеть на их эмблему — череп и кости.

Полевая жандармерия — в светло-серо-зеленой форме. На груди у них цепь с бляхой, которая напоминает полумесяц. Серо-зелено-черная чума!

ПРИКАЗ О СОЗДАНИИ ГЕТТО

Голод заглушаем семечками. Люди нашли их на каком-то складе и кинулись туда. Тата Дроздова с Замковой улицы поделилась с нами. По-прежнему бродим по городу в поисках ночлега.

Ночуем в руинах. Моемся в Свислочи. От грязи и бесприютности, тоски завелись вши. Боимся их так же, как и голода.

Скоро запретят ходить по городу. Говорят, что евреев выселят в особый район...

На Юбилейной площади останавливаемся. Дома здесь не сожжены и старые афиши целы. Одна из них сообщает, что в белорусском театре спектакль «Последние». Режиссер — Михаил Зоров.

В этот театр я со своей подружкой Нилой Кунцевич ходила почти каждую неделю. Ее двоюродный брат был там художником-декоратором. Черноволосый, с выразительным лицом, он походил на артиста. Легкая походка, уверенный баритон, внимательные глаза. Где он теперь? Наверно, на фронте...

А у Нилы такие же мягкие, как у брата, глаза. Где Нила? Где режиссер Зоров? Интересно, он еврей или славянин? До войны никто из нас не думал об этом. Жили себе люди рядом дружно, хорошо.

Рядом с афишей объявление. И смысла его страшен. Инна тянет меня за руку, но я, прикованная к афише, вслух читаю, что граждане еврейского происхождения должны зарегистрироваться в юденрате и жить в специально отведенном для них районе, в гетто.

«Жиды», «гетто» — слова обжигают, вызывают боль и обиду, как пощечина.

— А что такое жиды? — спрашивает меня Инна.

Слезы застилают глаза...

¹ «С нами бог».

— Это злое, мерзкое слово. Тех, кто обзывает им людей, отдают под суд и штрафуют.

— И немцев отдадут под суд? — спрашивает сестренка.

— Отдадут обязательно.

...На соседнем доме снова объявление: «Жиды и коммунисты обязаны...»

СЕСТРА

Как у нас хватает сил таскать ноги — не знаю. Оставляем бабулю в надежном месте, в руинах, и ходим по городу. Ищем маму, ищем еду. Блуждаем в районе Подгорного переулка, где жили до войны, ходим по Советской, мимо Большого сквера.

Вон немец бросил собаке хлеб. Та не стала есть. Подобрать не успели. Какая-то девочка опередила нас.

Издаലെка видим тьму-тьмушую людей, которых гонят по Советской. Опять военнопленные... Колонны приблизились к нам. Какая-то девушка бросается к немцу, охранявшему колонну.

— Lieber Herr, — показывает она на пленного. — Das ist mein Bruder...¹ — Сует бумагу, должно быть, какой-то документ.

Удивительно, но немец выталкивает пленного из колонны. Девушка тянет его в руины бывшего кинотеатра «Красная звезда».

— Вот это дивчина! — говорит пожилой человек, что стоит рядом. — Молодчина. Не первого уже спасает.

ПРИХОД МАМЫ

Это чудо! Мама пришла. Увидела нас на улице возле бывшего дома. Она пла из Волковыска с раненой ногой! Невероятно!.. Какая она у нас! И сразу стало легче на душе.

Мы рассказываем маме, как папа ушел на фронт, как сосед вывел меня, Инну и бабушку на Могилевское шоссе, как в Дукоре нас догнали немцы, рассказываем обо всем пережитом.

Мама предлагает пойти на Замковую улицу к ее земляку Иосифу Симановичу. Мы говорим, что уже были у него. Семья Симановича, наверно, эвакуировалась, но квартира уцелела. А вдруг и в самом деле найдем там пристанище? Если не в его квартире, так, может, в другой?

...Замковая улица входит в территорию гетто.

ПРОЩАНИЕ С ТАТОЙ

Жители не еврейской национальности, которые проживают на территории будущего гетто, должны перебраться в другую часть города. Моя подружка Тата — Танечка Дроздова, которая живет на Замковой, переезжает куда-то на Грушевку. Их семья не успела эвакуироваться.

Мы сидим на приступках высокой каменной лестницы. Вот-вот Тата уедет отсюда. Доведется ли нам встретиться?

Белокурые прямые волосы обрамляют круглое печальное лицо девочки. Она с ненавистью рассказывает про знакомого парня, который пошел в прислужники к немцам. Вспоминаем общих знакомых.

А потом я рассказываю про того военнопленного, который пел «Тучи над городом встали».

— Я буду приходить сюда, — говорит Тата. — Только отец сказал, что мы в городе не задержимся, поедем в село.

Расставание. Тата оглядывает родные места, где все дорого с детства. Что ждет их на новом месте?

¹ — Уважаемый господин, это мой брат...

ЖЕЛТЫЕ ЗАПЛАТЫ

Вышел новый приказ: евреи должны носить круглые латки желтого цвета. Указываются их размер, место, где они должны быть пришиты. Одна заплата на груди, другая на спине. За неподчинение приказу — смертная казнь.

Уже есть приказ, что старшиной юденрата — еврейского комитета в гетто — назначается Илья Мушкин.

Контрибуция — для меня это слово из учебников по истории. И вот она, контрибуция наяву. Все евреи должны сдать золото, серебро, ценности, чтобы выплатить контрибуцию.

У нас ничего этого нет. Единственное богатство — ключ от квартиры. Я не выбрасываю его, он напоминает мне о недавней довоенной жизни.

ВСТРЕЧА С АСЕЙ

По приказу немцев все трудоспособные евреи собираются около юденрата. Там комплекуются колонны, которые направляют на работу в город, за пределы гетто.

Мы с мамой пришли туда. Встретили Асечку Воробейчик с ее мамой. Ася — моя школьная подруга. Договорились держаться вместе, попросились в одну колонну, чтоб не разлучаться.

Тут уже есть наши девочки: прежде очень веселая Валя Глазова, красавица Софа Сагальчик, умница Беба Цвайг.

То, что мы с Асей встретились, очень важно для нас.

СТАРАЯ ТЭМА

Мы живем на Замковой в доме старой Тэмы. В гетто на человека отведено два метра. Да есть ли они, те два метра на каждого? Старая Тэма высоченная, высохшая, будто мумия. Лицо иссечено морщинами.

Она живет какой-то своей жизнью, по своим законам. В минуту отчаяния сидит прямая, неподвижная, уставившись в одну точку помутневшими старческими глазами.

Возможно, в этот момент она молится. Мы понимаем: если молится, то за своих внуков, которые ушли на фронт, за Красную Армию. Чтoб она поскорее вернулась.

На Тэме всегда черная длинная юбка и такого же цвета мужской лапсердак.

Когда мы поселились в ее маленьком двухквартирном доме, Тэма дала нам два матраца и кое-что из белья. Это просто роскошь. Живет Тэма в одной комнате с нами. Спит на старой кровати.

В другой комнате — семья Голандов. Молодые женщины Дина и Эра и их мать.

В этой комнате стоит шкаф. Он всегда закрыт. В нем вещи Тэмных внуков. Старая верит, что они обязательно вернуться.

— Вот тогда и нарядятся, — говорит она.

Тэма богатая! До войны я была уверена, что у нас нет богатых людей. А Тэма, как это ни удивительно, богатая. «Сдать золото!» — один из первых приказов оккупантов белорусскому и еврейскому населению.

С того времени немцы требуют настойчиво и неотступно — сдавать золото.

Не обошли и наш дом. Прицепились к Тэме. Водили пистолетом перед лицом старухи и кричали:

— Gold! Gold!

! — Золото Золото!

Тэма не двинулась с места...

А потом я увидела такое, что глазам своим не поверила. Думала, что Тэма спит, и на цыпочках вошла в комнату. Старуха сидела на кровати и в свой лапсердак зашивала... золото.

— Ты ничего не видишь, девочка,— сказала она.— Не видишь и не знаешь.

Но я все видела. В руках Тэмы была золотая монета, которую она прятала в подкладке.

Это ошеломило меня. Я всегда считала, что золото является собственностью государства.

— Знаю, о чем ты думаешь, девочка. Мои внуки тоже когда-то удивились, когда я показала им эти десятки. Еще до революции на харчах да на одежке экономила, наживала это золото. На черный день прятала.

Тэма при мне зашила и второй пятиалтынный. Потом надела лапсердак, распрямилась, пальцами ощупала место, где спрятано ее богатство.

— Этим нелюдям не дам! Стрелять будут — не дам!

ОБЛАВЫ

В гетто начались облавы. Вдруг окружают улицу или район и хватают людей. Загоняют в грузовые машины и куда-то вывозят. Некоторые после облавы возвращаются (их увозили на работы), а многие — нет.

Говорят, немцы проводят облавы по всему городу.

ПЛЕТЬ

Промозглое, слякотное утро.

Асю Воробейчик и меня схватили во время облавы. Налет, как всегда, неожиданный, внезапный. Бросили в машину, повезли. Куда везут? На тот свет? Крепко держимся за руки. Не раз договаривались с ней: если поведут на расстрел, либо падать, либо бежать.

Привезли нас быстро. Выгрузили, пересчитали. Осматриваемся и видим: мы во дворе Дома правительства. Когда-то говорили, что архитектор, по проекту которого построено это здание, был им недоволен. По его мнению, дом некрасив. Мы и раньше не разделяли этого мнения. А теперь глядим — не наглядимся.

Но спохватываемся. Теперь в нем они, звери. Такие, как этот, большой, с рыжими глазами. Он стоит перед нами, помахивая плетью. Потом вызывает меня с Асей и что-то приказывает. Мы не понимаем. Он кричит, хлещет плетью у наших ног. Мы пугаемся. Он смеется. Потом показывает на рулон рубероида, лежащий на земле. Догадываемся, что приказывает поднять его. Ничего не получается. Немец хлещет плетью по рукам. Вздываются кровавые полосы — ужасная боль. Что делать? Как же мы, две слабые девчонки, можем поднять этот огромный рулон?

Я берусь спереди и пробую взвалить на плечи этот проклятый рулон. Ася пытается поднять сзади. Рулон не поддается.

Слышу пронзительный крик, оглядываюсь — Ася лежит с окровавленным лицом. Бросаюсь к ней.

— Zurück!

Я все же подбегаю к подруге.

— Ов меня... плетью по голове...

Я вызволяю Асю из-под рулона. Ее сводят судороги.

Она подымает на меня светлые глаза. Мы прижимаемся друг к другу.

Рядом снова слышится посвист плети...

С этой поры Ася заболела падучей...

ГИПНОЗ

Его привели к нам холодным осенним днем.

— Доктор, помогите ему...

Мама бросается к человеку, который дико воет.

Его лицо в больших синяках, окровавленное. Руки дрожат. Одежда на нем чужая, пиджак надет на голое тело. Короткие штаны едва прикрывают икры. Ноги босые.

— Кто он? Откуда? — спрашивает мама.

Женщины, что привели его, пожимают плечами.

— Ничего не знаем. Он забежал в дом, но мы ничем не могли помочь. Может, вам удастся...

Незнакомца кладем на кровать. Мама дает ему валерьянки, обрабатывает раны, как-то странно успокаивает его:

— У вас тяжелые веки. Вам хочется спать, спать, спать. Вам тепло, руки, ноги согрелись. Вы успокоились, лежите спокойно. Вы спите, спите, спите.

Человек действительно заснул. Мы спрашиваем:

— Это гипноз?

Мама ничего не отвечает. Она очень устала.

Человек прибежал из ближнего местечка.

...Их схватили на рассвете. Сигнали в гурт, погнали к яру. Мужчинам дали лопаты, приказали копать яму. Женщины с детьми стояли неподалеку.

Потом приказали раздеться. Он помнит, как разделась его жена Рая, как бросился к ней, как получил удар прикладом и упал. Когда поднял голову, увидел, уже стоят голенькие его дети — шестилетняя Бебочка и трехлетний Миша.

Фашисты поставили мужчин, женщин и детей около рва.

Началась стрельба. Он упал. На него валились убитые.

...Он как-то выбрался из-под них. Когда очутился наверху, начал звать жену, детей. Но голоса своего не услышал.

Спрятался в кустах. Вдруг увидел, что на краю ямы лежат какие-то вещи. Огляделся, вокруг никого не было. Схватил вот этот пиджак, штаны.

Пошел в сторону Минска. Идти, слава богу, пришлось недолго. Люди добрые подвезли.

Про такое мы слышали впервые. И поняли, что скоро все это ожидает и нас.

БАБУШКИНА КАРТОШКА

Бабуля исчезла на целый день. Под вечер она принесла мешочек картошки...

Где она ее взяла? Говорит, что накопила на татарских огородах. Но там уже давно ничего нет: ни картофелинки, ни морковинки, ни брюквинки.

Маму осеняет догадка, которая болью отзывается в наших сердцах.

— Господи, неужели она ходила по гетто и просила у людей?

Мы все плачем вместе с бабушкой.

ИЗ ЗАПИСЕЙ БЕРТЫ МОИСЕЕВНЫ БРУК

«...После приказа собраться евреям из местечек в минском гетто люди стали жить и в подвалах. В комнатах сооружали нары, спали вповалку. С шести часов вечера до восьми утра не разрешалось громко разговаривать. Когда по улице проходили патрульные и слышали в доме разговор, стреляли в окна.

Голодали страшно.

Голод стал замутнять память и подтачивать силы... Мы с Ляленькой подползали под колючую проволоку и, если немец или полицай смотрели в другую сторону, бежали в город искать еду.

Какое это было счастье, когда мы благополучно переползали назад с добычей!..»

ВИСЕЛИЦЫ

Октябрь.

Мама вернулась из города. Она искала знакомых врачей. Вдруг кто поможет выйти из города?

Рассказывает, что в городе полно виселиц. На груди у повешенных дощечки с надписью: «Мы боролись против германской власти».

Мама пробиралась руинами. Это счастье, что ее не схватили, что она с нами.

ПОГРОМ 7 НОЯБРЯ

Жуткую новость принесла Дина Голанд. Она услышала, что немцы оцепляют Немигу. Все поняли — начался погром.

Мрачной стариной пахнуло от этого слова — погром. Знали мы его по книжкам, по рассказам дедов и бабушек.

И вот ожило зловещее слово.

— Надо скорее прятаться, — испуганно говорит Дина.

Мама озирается по сторонам.

— Где бабушка?

Ее нет, куда-то пошла.

Мама велит собираться. Берегом реки крадемся к мосту. Без желтых меток, в платочках мы похожи на сельских жителей. Блуждаем по Торговой, по Бакунина мимо церкви.

— Пойдем к Тоне, может, пустят, — уговариваю я маму. (Тоня — наша бывшая соседка.)

Мама раздумывает:

— Они живут возле самого пекла... Сами напуганы...

Да, действительно Тоня со своей мамой, Дарьей Степановной, живут на Школьной, у Немиги. Когда на той ее стороне, где гетто, убивали людей, Тонина семья все видела.

Нам некуда деться. Почему-то, как пришибленные, бродим около гетто. Останавливаемся возле бани, поднимаемся к больнице, снова Торговая, снова Бакунина.

Идет дождь. Мы вымокли до нитки. Дрожим, ежимся от холода.

— Пойдем к Тоне, — прошу я.

Мама вспоминает добрую, душевную Дарью Степановну, соглашается:

— Попросимся погреться.

Спешим туда, где живет Тоня. Стучимся в дверь. На пороге Дарья Степановна, Тоня. Страх, слезы в глазах...

Тонина мама молча захлопывает перед нами двери. Долго стоит в ушах этот, больно отозвавшийся в сердце грохот.

...Идем чуть ли не в конец города на Грушевскую. Там живут Гурские. Владимир Феофилович до войны лечился у мамы.

— Это удивительные люди. Они обогреют, накормят, а может, и спрячут нас, — говорит она.

...Как тепло, как хорошо на печке! Сытый кот то трется в ногах, то соскакивает на пол. Ластится к нам.

— Вот даже кот ходит на свободе, а мы... — совсем не по-детски говорит Инна.

Ольга Алексеевна угощает нас драниками. Мы только что наелись крупяного супа, а тут еще драники!

Нина и Тася, дочки Ольги Алексеевны и Владимира Феофиловича, забавляются с котом.

На костылях входит Владимир Феофилович, приносит на тарелке диво дивное — большие желто-красные груши.

— Угощайтесь... Это из нашего сада.

Мама всхлипывает:

— Спасибо, спасибо за все. Мы сейчас пойдем...

— Что вы, Рахиль Ароновна, вы ж для нас родной человек! Да и куда пойдете? Скоро ночь! Побудете у нас, а там что-нибудь придумаем...

Решаем, что с утра незаметно для соседей нужно будет покинуть этих сердечных, добрых людей. Попросим что-нибудь из еды. Днем ходим по городу, подойдем к Замковой. А вдруг наш дом не тронули? Да и что с бабулей?

Гурские не отпускают нас и 8 ноября. Мы прожили у них два дня.

9-го на рассвете просыпаемся от стука в дверь.

— Ольга, открой...

Ольга Алексеевна шепчет нам:

— Не бойтесь, это соседка... Закройтесь занавеской и сидите тихо.

Мы сидим на печи за занавеской, слушаем.

— Оля, Олечка, если что, не сносить нам всем головы... Ты смотри, Олечка, смотри... Знаешь, что за это?

— В чем дело? О чем ты говоришь?

— Ой, Олечка, не прикидывайся. Соседи меня послали... Говорят, люди у вас скрываются. Видели, когда к твоим воротам подходили. Зашли, не выжили. Говорят, беглые, из гетто...

— Кто говорит? Кто видел?

— Видели, Ольга, видели...

— Ишь, делегатка от соседей,— Владимир Феофилович стучит костылем.— Были люди знакомые и ушли. Никого у нас нет. Хочешь, обыск делай.

— Да не, я так, предупредить... Что я, немец или полицейка какой? Только сами смотрите. Несдобровать нам... О своих детках подумайте.

Соседка стучит дверями. Не поверила... В доме устанавливается мучительная тишина.

— Сидите. Не бойтесь,— Владимир Феофилович отдергивает занавеску.— Сейчас завтракать будем.

— Нет, нет, мы пойдем,— мама соскакивает с печи.

Ольга Алексеевна тихо плачет.

— Куда ж вы пойдете? На погребь? Я вас на чердаке спрячу или в погребе...

— Вы уже сделали больше, чем могли, Владимир Феофилович. Мама горюит. Ольга Алексеевна закутывает меня и Инну в теплые шарфы.

Владимир Феофилович с побелевшим лицом и сжатыми губами выводит нас огородами на соседнюю улицу. Потом говорит:

— Идите к моему другу. Вот адрес. Скажете, от меня... Это недалеко. А я скоро там буду.

Он спешит следом за нами на костылях. Капли пота застыли на лице. В глазах тоска.

— Ждите меня там...

Мы не пошли по адресу, который дал Владимир Феофилович. Идем куда глаза глядят, перекусываем хлебом, его положила нам в узелок Ольга Алексеевна. Холодно, промозгло.

Коля показал кулак.

Беллу Моисеевну убили за нарушение приказа. Гражданам еврейской национальности запрещалось иметь связь с белорусским населением.

Она висела на проволоке, зацепившись за нее одеждой, казалось, напоследок еще пыталась сказать:

«Если у меня такие ученики, значит, жизнь прожита не зря...»

ПОМИДОР ДЛЯ МАМЫ

Фаина совсем обессилела от голода. Мы еще как-то держимся на баланде, а ей с больным, слабым сердцем, да на такой тяжелой работе... Лежит, не встает.

— Я пойду вместо тебя, мама, принесу тебе супа,— говорит ее сын Миша.

Мать с благодарностью и болью прижимает его к себе. Конечно, боится за него. Фаина просит нас:

— Не оставляйте его одного, работайте вместе. Мне будет спокойнее...

Миша и раньше ходил за нее на работу. Мальчик достает несколько пфеннигов.

— Я выскочу у базарчика и куплю тебе что-нибудь, мамал

— Нет, нет! Не выходи из колонны, сынок. Ничего, обойдемся. Отдохну сегодня-завтра, авось полегчает.

На работу мы идем вместе: Ася, Миша и я. Он бежит, подпрыгивает, что-то напевает. Легкий черноволосый мальчонка, похожий на венецианского гондольера.

...Разгружаем уголь. Время от времени поглядываем, как там Миша. От угольной пыли он почернел. Только глаза блестят. Работали долго, устали. Когда управились с работой, стали в очередь за баландой. Мише налили добавки — полный котелок. Он понесет ее маме. Мальчуган доволен, снова мурлычет какую-то мелодию.

Возвращаемся домой. Колонна проходит по улице Мясникова. Приближаемся к магазину, возле которого расположился маленький базарчик. Миша идет впереди. Вижу его затылок, узенькую, детскую спину, котелок в руке.

Вдруг он выбегает из колонны, мчится к базару, протягивает торговке те пфенниги. Мы с Асей переглядываемся. Миша стоит в запрещенном месте, на спине недобрым тревожным огнем пылает желтый круг. Мы зовем его, озираемся: хоть бы рядом не оказалось охранников.

Через минуту Миша, счастливый, радостный, возвращается в колонну. В руке — помидор! Красный, большой. Как зачарованные смотрим на него, ощущая забытый удивительный вкус. С облегчением вздыхаем:

— Пронесло...

Он с гордостью показывает помидор:

— Маме!

Только что это? Впереди около Миши мелькнуло что-то черное. Точнее, кто-то в черном. Я еще не очень понимаю, в чем дело, но чувствую беду.

— Эсэс,— с ужасом шепчет Ася.

Миша бросается в сторону. Эсэсовец хватается за него, загоняет в колонну, приставляет к затылку пистолет и разъяренно кричит.

— Vorwärts!¹

Миша снова кидается вбок. Но эсэсовец опять загоняет его в колонну. Он держит пистолет у Мишиного затылка. Я чувствую, что меня начинает тошнить, подкашиваются ноги. Опираюсь на Асю.

¹ — Вперед!

— Я здесь, мама!

Мальчик рвется к матери. Люди стиснуты, будто спрессованы. Мать вскидывает руки над головами.

— Звери! — кричит она в лицо немцам.

Один из них стреляет в нее. Женщина беспомощно повисает на чьей-то спине. Ей даже некуда упасть. И сразу все стихает.

— Убили! Убили! — слышится людской шепот.

Вскоре что-то смещается, меняется. Немцы расталкивают людей, шныряют в колонне.

Женщина лежит на булыжной мостовой с окровавленной головой. К ней бегут маленькие дочка и сын. Наконец-то нашли ее...

Кто-то из мужчин оттаскивает их от убитой. Нет, это не их отец. Он в Красной Армии. Это сосед Симкин, из первого дома на Островского, что около церкви.

— Дети Самуила Озера,— говорит он кому-то из колонны.

Маня, Ося и Зяма — в одном ряду с Симкиным.

Колонна двинулась вверх по Островского, к хлебозаводу.

Вдруг к Симкину, который идет с краю, подбегает полицейский. Он сует ему сверток и приказывает развернуть.

— Сегодня ж праздник! — кричит полицейский. — Так празднуйте!

Симкин разворачивает сверток. Это красный флаг. От неожиданности он роняет его. И тут Зяма подхватывает флаг и высоко поднимает над колонной.

Несколько отчаянных шагов вперед... Зяма падает на мостовую, прошитый пулями...

Немцы и полицаи гонят колонну дальше, на смерть.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЯЛИ БРУК .

«...В ночь с 6 на 7 ноября мы услышали грохот у дверей и крики: «Открывайте!» Начался погром. Поломали ставни. Ворвались немцы и приказали собраться во дворе. Вышли во двор: я, мама и маленький племянник Толик. Отец как раз в эту ночь остался на бывшей фабрике «Октябрь», где несколько дней работал.

Нас погнали на Хлебную улицу. Здесь людей строили в колонны, сажали в закрытые машины.

Мы видели, как люди показывали немцам справки, что они рабочие. Их выводили из колонны. Мама предъявила справку, что она врач. Но это не помогло. Настала наша очередь садиться в машину. Мама сделала последнюю попытку — снова показала справку. На этот раз офицеру. Тот подал знак, и полицейский повел нас во двор хлебозавода. Все это было на рассвете.

Там нас заставляли стоять на коленях. Кто не повиновался, расстреливали.

В четыре часа окружение сняли и нас отпустили.

Назавтра утром прибежал папа и вынужден был сразу же идти на работу. Вскоре пришли немцы и выгнали из дому. Позволили взять с собой столько вещей, сколько можно унести. Потом погнали к еврейскому комитету. Там мы мокли под дождем в ожидании, что выделят какое-нибудь жилье. Ничего не дождались. Пошли в больницу.

Позднее отец нашел комнатенку и мы перебрались жить туда. Толюшку (отец у него русский) отправили в город к Лене Соколовой, и она его приютила...»

ИЗ ЗАПИСЕЙ БЕРТЫ МОИСЕВНЫ БРУК

«...Никак не укладывается в голове... Наметить для уничтожения район... Собрать людей, которые жили в нем, всех без исключения, старых и детей, и погнать к загода подготовленным ямам. Бросают людей туда живьем... Потом обливают горячим...»

Гестаповцы, кому еще не наскучило, продолжали стрелять в эту шевелящуюся яму...

После погрома в больницу прибежала врач Лившиц, жена рентгенолога, которой удалось выбраться из ямы. Она была в ожогах, изувечена. Рассказывала, что людей сбрасывали в ямы и сжигали.

...А я все вспоминаю, как мы пережили этот погром, как показывала немцам справку о том, что я врач, заведующая отделением инфекционной больницы. Даже позднее комендант гетто Гаттенбах говорил, что работники инфекционной больницы будут уничтожены в последнюю очередь!

Вспоминаю, как получила несколько ударов прикладом, когда показывала эту бумажку. Потом, когда меня с дочкой и трехлетним внуком стали заталкивать в машину, по этой справке, к счастью, один из немцев отпустил.

Вспомнила, как нам, «помидованным», приказали стоять на мокрой мостовой на коленях и смотреть в одну точку. Мой внук, трехлетний Толик, все спрашивал, правильно ли он стоит. И дрожал от холода, как осиновый листок...

...А когда вечером мы вернулись домой, увидели пустые квартиры. Совсем стемнело, с работы пришли соседи, два брата, семья которых были уничтожены. Один из них перерезал себе вены, второго я всю ночь стерегла. А дочка моя старалась успокоить его. Утром прибежал мой муж Женя, которого накануне увели на работу в город. Женя все смотрел на нас, не верил, что мы живы. Здесь же лежали убитые: мать и ребенок...»

СПАСЕТ ЛИ МЕТРИКА?

Мама часто вспоминает свою подругу Катерину Логиновну Бесмертную. А я — ее дочку Лиду. Их семья, надеюсь, эвакуировалась.

— Катерина Логиновна помогла бы нам, — говорит мама.

Из маминых друзей в гетто живут Маня Григорьевна Неймарк и Белла Моисеевна Дедович.

Тетя Маня — очень добрый и щедрый человек. Дом, в котором она жила до войны, уцелел. Тетя Маня, чтобы не умереть с голоду, меняет вещи на харчи. Кое-чем делится с нами. Маня Григорьевна живет в Хлебном переулке. Удивительное название! От него пахнет хлебом.

Белла Моисеевна — учительница. Еще до войны болела базедовой. Она даже и сейчас, в голодуху, не похудела, с трудом передвигается.

Ученики не забывают ее. Она получила привет от Сашы Митогина, Коли Мальшки и Кати Иориной. Дети подходят к колючей проволоке, чтобы передать ей что-нибудь из продуктов, повидаться.

Белла Моисеевна тревожится за дочку Эллу. Девушке достали метрику, перевезли в село под Осиповичи. У Эллы теперь другое имя и фамилия.

Выручит ли метрика?

ВСПОМИНАЮ, ВСПОМИНАЮ...

Что они сделали с нашим городом! Руины, пустые черные глазницы окон, устоявшийся запах гари. Мне кажется, что если я забуду, как выглядел наш Минск, наш переулок, двор, однокомнатная квартира с верандой, коммунальная кухня, всех людей, с кем прошло мое детство, то совершу предательство.

И я вспоминаю, вспоминаю, не даю себе все это забыть. Ничего давно нет: ни дома, ни двора. А люди — кто где, неизвестно. Есть только пепелище.

Часто в мыслях брожу: от Подгорного переулка до музыкальной школы на площади Свободы. В руках у меня, как прежде, музыкальная папка. В ней этюды Черни, прелюдии Баха... Вот сейчас войду в класс. Мария Яковлевна Шлопакова, моя учительница, будет слушать меня...

К сожалению, колонны не ходят ни к Подгорному переулку, ни к площади Свободы. Какое замечательное название у этой площади!

ПОГРОМ 20 НОЯБРЯ

Ночь холодная, не спится. Печка остыла, не согреться. У старой Тэмы нет дров. С утра закинет несколько полешек. А тепло держится недолго.

Светает. Выхожу во двор. Надеваю легкое летнее пальто. Подмораживает, но мне не холодно.

Как раз накануне мы с мамой обсуждали, во что будем одеваться. У нас одно зимнее пальто на всех.

Бегу на самое высокое место Замковой. Радуюсь, что не замерзла:

— Можно будет перезимовать и в летнем...

Внимательно всматриваюсь в противоположный берег реки. По ту сторону гетто, кажется, тихо. Правда, справа, с Немиги, слышится гул. Он нарастает, приближается — едут машины. Но ведь обязательно, чтоб они ехали в гетто, успокаиваю себя. Возвращаюсь назад. Не верю глазам. Машины рядом. Из них выскакивают солдаты в немецкой форме, окружают район.

Успеваю забежать в дом, кричу:

— Погром!

В одно мгновение все одеты. Мама прижимает к себе Инночку, зачем-то хватает буханку хлеба, отдает мне. Потом помогает бабушке завязать платок, надеть ботинки.

Благоразумная, рассудительная Дина говорит:

— Это, кажется, последний эпизод...

(Любимое выражение Дины: «Жизнь — это цепь эпизодов».)

Нас выгоняют из дому. На дворе уже много народу. Видно, успели нагнать из соседних домов. Красавец Дворкин. Его высокая фигура и седая голова видны издалека. Рядом его дочка, длиннокосая Зиночка. Инженер Лившиц. Он подходит к нам, снимает шляпу, здоровается. Удивительно, в такой момент...

Думаю, что сейчас нас будут расстреливать около этого красного кирпичного дома. Боже мой, они расстреляют нас у дома, где совсем недавно жила моя подруга Тата — Танечка Дроздова, которую вместе с родителями выселили отсюда.

Нас в самом деле толкают к стене. Немцы начинают считать людей, распахивают их в разные стороны. Хоть бы не разлучили нашу семью.

Идет какая-то сортировка. Отчетливо слышу два слова: «Leben», «Tod»¹. Значит, в одну колонну они толкают людей, которым еще предназначено жить. В другую — тех, кого поведут на расстрел. Мы попадаем в последнюю. Люди понимают положение. Пытаются из колонны смерти перебежать в колонну жизни. Вдруг наступаю на что-то мягкое. Передо мной сине-белое лицо девочки. Узнаю его. Это соседка Сима Котлярова, подруга Дины. Тормошу ее, прошу:

— Вставай!

Дина говорит:

— Она не встанет: ее убили. Хотела перелезть через проволоку.

До этого мозг работал необычайно точно, удивительно ясно. Теперь ничего не могу понять:

¹ «Жизнь», «смерть».

— Она убита?!

...Солдаты окружают нас.

Куда ведут? Вверх по Димитрова. Может, к Юбилейной площади? К юденрату?

Колонна конвоируется с обеих сторон, через ряд. Наш ряд, в котором бабушка, мама, сестра и я, без конвоиров. Но они идут спереди и сзади. Тех, кто вырывается из колонны, тут же расстреливают.

Вспоминаю, что в руках у меня хлеб, и начинаю есть. Невероятно, но я хочу есть. Протягиваю хлеб маме. Она удивленно смотрит на меня.

Куда все-таки нас ведут? Это же колонна смерти. Неужели действительно на смерть? Нет, не верится!

Впереди в колонне возвышается фигура старой Тэмы. Она идет прямая, непреклонная. Дворкин держит за руку свою длиннокосую Зиночку. Дина поддерживает мать и старшую сестру Эру, которая едва переставляет опухшие от голода ноги.

В этой же колонне инженер Лившиц, недавний студент Сеня Поплавский, Зора Стронгина — веселая певунья, бывшая пионервожатая, семья Низовых, их двойняшки, десятилетние Марлен и Сталина... И все они, наверно, тоже не верят в свою гибель.

— Я хочу жить! — вдруг прорезает тишину голос нашей Инны.

И снова тишина.

— Мама, — слышу я шепот своей мамы, которая обращается к бабушке. — Надо спасать детей... Попробуем бежать на том повороте. Держись за меня.

— Я не смогу, ноги не идут... — отвечает бабушка. — Спасай детей. Беги с ними...

— Как же мы без тебя?

— Я не смогу... Спасай детей...

Мама велит мне содрать латку с груди. Сама сдирает с себя и с Инны. Со спины содрать невозможно, увидят конвоиры, которые идут сзади.

Нет, на Юбилейную площадь нас не ведут. Уже вывели за границы гетто. Гонят по улице Опанского. И вдруг по левой стороне улицы навстречу колонне движется подвода. Вот-вот она поравняется с нами.

— Прыгайте на подводу, — мама выпихивает нас из колонны. Мы вскакиваем на подводу, мама за нами. Селянин бешено гонит коня. Сзади суматоха, крики, стрельба. Выстрелы нам вдогонку. Но мы уже далеко от колонны. Срываем желтые латки со спины.

— Бегите! Спасайтесь! — кричит селянин.

Прячемся в каком-то разрушенном здании. Мама сама не своя:

— А бабуля наша пошла, пошла, бедненькая...

Глаза у мамы незрячие.

— Куда их повели? Родная ты моя, мамочка...

Мы все плачем. Отчаянию нет конца.

Выходим из руин. Куда идти, куда деться? Остановились на площади Свободы. Смотрим, люди направляются в костел. Вспоминаю, как мы, пионеры, когда-то занимались антирелигиозной пропагандой. Дожидались верующих после службы и говорили им, что религия — опиум для народа.

Мама говорит, что нужно зайти в костел. Подумают, что и мы верующие.

— Постоим немного, погреемся и пойдем...

В костеле все стоят на коленях. Мама велит и нам сделать то же самое. А я стою, не могу... Мама умоляюще смотрит на меня, шепчет:

— Не привлекай внимания... Нас же схватят.

Когда окончился молебен, выходим из костела. Куда идти теперь? К друзьям-белорусам? Опасно для них и для нас. Дорога одна — снова в гетто.

Решаем подойти к гетто со стороны Замковой. Подходим ближе. Неподалеку прошаживается часовой. Удивительно, но он в красноармейской шинели. Мы просим у часового разрешения пройти в наш дом, взять кое-что из вещей.

— Вы же свой, в красноармейской шинели,— говорю я.

Мама дергает меня за рукав.

— Какой свой? — вдруг кричит часовой.

— Позвольте нам,— просит мама,— взять теплое пальто. Возьмем и пойдем...

Часовой оглядывается по сторонам. Вокруг ни души. Толкает меня вперед.

— Иди! Только быстро... А вы туда, подальше отсюда,— приказывает маме с Инной.

Я ринулась в дом. Это уже не дом — кладбище. Еще несколько часов назад тут жили, ходили, разговаривали люди. Табуретка нашей бабули, на которой она грелась у печки. Кровать Тэмы. Матрац у шкафа, на котором спали Дина и Эра. Кому причинили зло эти люди? За что?

Горько, навзрыд плачу, присев на табуретку. Глазами ищу пальто и торбочку с едой. Чего я сижу? Надо скорей, скорей!

И вдруг, как привидение, на пороге два немца в серо-зеленых шинелях. На груди большущие бляхи. Патрульная служба военно-полевой жандармерии... Я не слышала, как они вошли в открытые двери. Цепенею от страха, с ужасом гляжу то на бляхи с цепями, то на сапоги. Голос немца заставляет опомниться:

— Wer bist du? Eine Judin? ¹

Самой не верится, но чувствую, как уплывает страх. Конец так конец!

— Jawohl,— говорю я,— eine Judin ².

Немцы переглядываются.

— Wo ist deine Mutter? ³

— Dort,— показываю на улицу,— und Schwester dort ⁴.

— Wo ist dein Vater? ⁵

— In der Roten Armee ⁶.

Вот вам, гады! Я уже не боюсь! Убивайте! Я еврейка! Мой отец в Красной Армии! Убивайте!

Немцы снова переглядываются.

— Was machst du jetzt da? ⁷

Отвечаю, что пришла после погрома, что мы здесь жили...

— Armes Kind ⁸,— говорит немец и спрашивает, где я выучила немецкий язык.

Я скоренько отвечаю, что мы изучали немецкий в школе, что я пришла взять вещи. Немец бросает мне чужие вещи, приказывает, чтобы я взяла их с собой. Я говорю, что чужое мне не нужно.

Немец спрашивает, чья это аптечка на стене. Отвечаю, что мамина.

¹ — Кто ты? Еврейка?

² — Да, еврейка.

³ — Где твоя мать?

⁴ — Там, и сестра там.

⁵ — Где твой отец?

⁶ — В Красной Армии.

⁷ — Что ты делаешь здесь теперь?

⁸ — Бедное дитя.

— Ist deine Mutter Arzt? ¹

Киваю головой. Он осматривает аптечку.

— Arme Apotheke ².

Второй немец все время молчит.

С улицы доносится шум. За окнами толпа.

— Räuber³,— немец объясняет напарнику, что это пришла грабить вещи погибших.

Мне он позволил взять необходимое.

Неужели отпустят? Не верю всему, что происходит. Накидываю пальто, хватаю торбочку с продуктами. Выхожу. Немцы идут сзади. Одна мысль пульсирует в висках:

«Теперь расстреляют...»

Слышу выстрел. Он прогремел там, где мама с сестренкой. Кидаюсь туда. Мама держится за окровавленную руку и клонится, не может стоять. Мы подхватываем ее. Надо спастись...

ПОСЛЕ ПОБЕГА

Мы в котельной инфекционной больницы. Пришли к мамину довоенному знакомому, доктору Кулику. Он сделал маме перевязку. Хорошо, что рана несерьезная. Но мама такая слабая от голода, от пережитого. Все время плачет по бабуле.

Нет бабушки, нет маминной мамы. Нельзя без боли вспоминать ее вылинявшие глаза, седые космочки волос, руки со вздутыми венами. Руки рабочего человека.

Боюсь за маму, чтоб совсем не ослабла, не свалилась.

— Пусть бы и она вместе с нами бежала,— в отчаянии вспоминает мама и горестно, тоненько, как дитя, плачет.

Но бабушка с ее распухшими ногами не могла бежать. Вообще то, что мы вырвались, невероятная случайность. Если б не эта сельская подвода, мы бы ни за что не спаслись.

Доктор Кулик ищет нам пристанище. А в котельной так хорошо, так тепло. Но к нему все время приходят какие-то люди. Кажется, мы мешаем ему. По-моему, здесь был человек из города, белорус или русский. Светловолосый, светлоглазый.

...Доктор Кулик нашел нам пристанище — в Слободском переулке. Несколько дней нужно подождать. Ночуем в тайном укрытии — у маминного друга доктора Красносельского. Он живет рядом с Юбилейным рынком, около юденрата. Тут же неподалеку живет режиссер Михаил Зоров — гордость белорусского театра.

Еще висят в городе афиши с названием спектакля «Последние», который он поставил в белорусском театре. Я была на премьере. Счастливое воспоминание из былой жизни! Михаил Зоров все спрашивает маму, Инну, меня, как мы бежали из колонны.

...Уже известно, где расстреляли ту колонну. В ней погибла и наша бабушка. В Тучинке...

«ФАХАРБАЙТЕР»

Еще одно немецкое слово у всех на устах: «Фахарбайтер». Оно означает — квалифицированный рабочий. К ним относятся портные, сапожники, каменщики, плотники и т. д. Одним словом, люди, имеющие рабочую профессию. Немцы выдают им на работе дополнительный паек. Пошли слухи, что их не будут расстреливать. Люди интеллигентных профессий начали думать, вспоминать, что они умеют делать, чтобы выдать себя за «фахарбайтеров».

¹ — Твоя мать врач?

² — Небогатая аптечка.

³ — Мародеры.

РОМКА

Маленький Ромка подбегает к проволоке.

Он ждет колонну, в которой должна быть его мама. Мама принесет что-нибудь поесть. Ромка погрыз уже угол печки. Но это не насытило его.

Наконец, вот она, мамина колонна! В ней впереди тети Фаина и Юля. А вон и мама... Она издали машет ему рукой. Может, хлеб несет? Ромка не выдерживает, бежит к ней по ту сторону проволоки. Он уже совсем около мамы. Но кто-то сзади хватает его.

— Не стреляй! — разрывает воздух дикий женский голос. Голос Ромкиной мамы.

Немец не стреляет. Он выкручивает мальчику руки. И они безжизненно, как у куклы, повисают.

— Бежим к доктору, к Ситерману. Он что-нибудь сделает, поможет, — говорит тетя Фаина.

...Профессора дома нет. Немцы погнала его чистить уборную.

ТОЛЬКО БЫ НЕ В ПЛЕНУ

Конец января.

Утром в колоннах, которые вели по Московской улице, видели невероятное. Вся улица была в трупах. Это военнопленные. Они были голые, босые. Фашисты вывели их в такой мороз, расстреляли. Говорят, что и на Советской улице то же самое.

Где наш папа? Только бы не в плену! Только бы не в плену...

ДОВРЫЕ ЛЮДИ

В Слободском переулке у нас новые знакомые девочки — Броня и Лена Гольдман. У их мамы Нехамы Самойловны есть подруга Ванда Иосифовна Опарина. Они дружат с детства.

Ванда Иосифовна и ее муж Филипп Тимофеевич — погорельцы. У них ничего нет, ни вещей, ни еды. Помогает им продержаться сестра из деревни. Ванда Иосифовна время от времени привозит от туда картошку, муку.

Броня, рискуя жизнью, приходит к Опариним. Те помогают им, чем могут. Во время первого погрома Броня с Леной пряталась у них.

Опарины не раз сами были в гетто у Гольдманов. Однажды такой приход едва не стоил жизни Ванде Иосифовне.

Еще Гольдманов поддерживает их бывшая соседка, старая Луиза, с которой они жили до войны на Белорусской улице. Она немка, но ненавидит фашистов. Приходит туда, где работает колонна, увидит Броню, поговорит с охраной и незаметно передаст девочке узелок с едой.

Счастье, что есть такие добрые люди.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Убили Беллу Моисеевну, Элину маму. Около колючей проволоки. Она разговаривала со своими учениками.

Дети, невзирая на опасность, пришли повидаться с учительницей.

Большая, грузная, с глазами навывкате от базедовой болезни, она стояла возле проволоки с желтыми латками на одежде. А рядом — ее дети... По ту сторону проволоки — бывшие ученики: восьмиклассники Саша Миготин, Коля Мальшка, Катя Иорина... Выстрел оборвал эту встречу.

Полицией отогнал ее воспитанников:

— И вы этого хотите?

Вот уже и Немига. Вижу, что у мальчика заплетаются ноги. Он падает. На мгновение мне кажется, что Миша умер. Эсэсовец бьет его ногами, заставляет подняться, держит пистолет у затылка.

Я не выдерживаю, что-то кричу. Слышу вокруг сплошной вопль. И вдруг... выстрел. Миша лежит в луже крови.

Рядом валяется котелок, из которого вылилась баланда, и пунцовый, кровавого цвета помидор. Помидор для мамы...

ОБЫСК

Мирка из юденрата! Так мы зовем это чудовище Мирку Маркман, которая работает в каком-то заведении при юденрате. И откуда только берутся такие? С виду ничего себе, молодая, ловкая. А имя наводит ужас на старых и малых.

Я была в соседнем доме, когда она пришла туда с обыском.

— Золото отдавайте! Золото! Для кого прячете?

— А ты для кого стараешься? — спросил у нее старый столяр Сендор Горелик. — Не выслужишься... Все равно там будешь, — и он ткнул пальцем в землю.

Мирка злобно зыркнула на него. Старик горестно покачал головой.

Она все перевернула в шкафу, в кровати, пригрозила:

— Не скроете... найдем...

Стыдно, как стыдно за таких...

ЗАКРЫТЫЕ ДВЕРИ

Тяжко на душе. Мама снова ходила в город... Такой риск! Ищет связи, чтобы вырваться из этого пекла, добывает кое-какой харч. Мы еле дождалась ее.

— Я уже не боюсь за себя, — говорит она. — Выхожу, срываю латки, и сразу становится легче.

У нас одна надежда на мамины светлые глаза. Немцы думают, что у всех евреев глаза черные... Но полиция...

Сегодня мама очень грустная. Она ходила к своей довоенной знакомой, медсестре Людмиле Андреевне, с которой работала вместе долгие годы. Та живет на Пулихова в своем доме, имеет огород. Дорогой мама никого из знакомых не встретила, хотя могла и встретить. Это тот район, в котором мы жили до войны. Подгорный переулок, Красноармейская совсем недалеко от Пулихова.

Мама постучалась. На пороге стояла сама Людмила Андреевна. Она поглядела и молча закрыла двери.

— А я так хотела, — рассказывала мама, — чтоб они поженились с братом нашего папы, который жил в Ленинграде.

ЕЕ ДЕЛО

Концевой, наверно, лет сорок пять, пятьдесят. Невысокая, грузная, с седой головой, с внимательными серыми глазами.

Клара Ефимовна — врач-гинеколог. В гетто она без работы.

Как и мы, Клара Ефимовна — чернорабочая фирмы «Готце — Лейман», (Готце и Лейман — хозяева фирмы). Плетей Концевой достаётся больше, потому что она слабая, немощная.

В городе ее знают. Бывает, если нет поблизости патруля, к проволоке подходят женщины и просят позвать доктора Концевую или передать ей что-нибудь. Это ее довоенные пациентки — роженицы. Рискуя жизнью, они приходят сюда, чтобы помочь доброму человеку.

Находят ее и там, где мы работаем, на Свердлова. Немцы называют эту улицу по-своему — Siegesstraße.

Мы удивились, что на этот раз к ней подошел мужчина. Видим его встревоженное лицо. Он что-то говорит Концевой, по-видимому, просит о чем-то... Клара Ефимовна что-то тихо шепчет. Мужчина исчезает...

Концевая приближается к нам.

— Девочки, я должна идти, надо помочь его дочке — ей плохо. Это мои друзья...

— А если вас спросят?

— Я должна идти...

Молча смотрим, как скрывается она в развалинах за нашей уборной. Слава богу, этого никто не заметил...

Утром ответственная за колонну, Ева Хазина, называет цифру: сорок. Стража нас по списку не пересчитывала.

...Спускаемся в подвал брать тачки. Там нас ждет Клара Ефимовна. Она протягивает иголку с ниткой. Ася прячется с ней в углу, пришивает ей желтые латки.

— Девочка родилась, — с нескрываемой радостью шепчет Концевая.

Мы выходим на улицу, впрягаемся в тачку. Вскоре возле сквера видим мужчину, который приходил к ней вчера. Хотел убедиться, что с доктором все в порядке. Едва приметным кивком он прощается.

Вскорости мы узнаем обо всем.

Приходил к Концевой отец роженицы. Муж ее в Красной Армии. Роды преждевременные. В больницу везти нельзя. Она была известным партийным работником, могут схватить. Отец давно собирался отвезти дочку в Несвиж к своякам, да не успел. Потому и пришлось просить давно знакомого доктора, друга. Риск явно с обеих сторон, но иного выхода нет.

Мы смотрели на Клару Ефимовну. Как помолодело, похорошело ее лицо!

— Я сделала свое дело, — говорит она.

...Он вновь появился здесь, дедушка новорожденной. Ищет глазами Клару Ефимовну. Оглядываясь, подходит к нам:

— Передайте доктору... У нас все хорошо. Девочку назвали ее именем...

...Передавать было некому. Клару Ефимовну застрелили во время облавы.

ПОХОРОНЫ

Январь 1942 года.

Умер отец Сени Темкина. Как Сеня заботился о нем!.. Как старался спасти.

Вообще на мальчике держится вся семья. Он пробирается через колючую проволоку в город, добывает кое-какую еду. Кормит мать, младшую сестру Ривочку. У сестры на голове колтун, а живот распух от голода.

Сенин отец, может, и пожил бы еще, но произошло неожиданное.

В дом однажды ворвались гестаповцы и полицаи из охраны порядка в гетто. С ними была Мирка Маркман, отец и сын Сегаловичи. Они потребовали золота. Стащили с кровати больного, начали искать.

Ничего не нашли (золота в этом доме никогда и не было!). Разъяренный гестаповец толкнул на Сениного отца железную бочку, разбил ему ногу — начался сепсис...

...Нужно было захоронить отца. Сеня пробрался в город искать доски для гроба. Встретил знакомых белорусов, которые помогли ему — дали доски. Три дня копал он мерзлую землю...

ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

Как хорошо, что даже в лихую годину люди не теряют своей доброты. Как важно всегда оставаться человеком. Вот хотя бы чашовой мастер Давид Шахнович Годар. Он шел по Коллекторской улице, Видит, на снегу лежит паренек. Поднял, привел его в свою комнату на Шорной.

Это Сеня Темкин. Он хотел выбраться за ограждение, пойти к знакомым за чем-нибудь съестным, обессилел от голода и упал.

Хозяин напоил его чаем с сахаринном. А жена сказала:

— Вот тебе чулки, больше у меня ничего нет. Продай и купи что-нибудь.

Сеня поменял чулки на картошку. Когда принес домой, мать начала есть ее — сырую.

УТРАТА

Погиб старшина юденрата Илья Мушкин. Все говорят, что это был хороший человек: разумный, справедливый, мужественный. Он делал все, чтобы жертв было меньше. Это настоящая утрата.

Рассказывают, что Мушкин вызволял даже из бункера. Там обычно сидели приговоренные к смерти.

Я несколько раз видела Мушкина. Высокий, красивый, статный. В манере держаться — достоинство и сдержанность. Он вызывал доверие.

Его повесили.

...На месте Ильи Мушкина — некто Иоффе из Польши.

Каким окажется этот?

О НОВЫХ ПРИВЫЧКАХ

Уверена, что не только я испытываю такое чувство. Не переносю, когда кто-нибудь стоит или идет сзади. Кажется, вот-вот произойдет что-то страшное, от ужаса мурашки ползут по спине и начинает мутить.

У меня это после Мишиного убийства. И теперь тот помидор перед глазами, который он нес маме.

Появились новые привычки. Одна из них такая. Когда ложимся спать, обувь ставим в определенном месте. Так, чтобы по сигналу не тратить времени, сразу обуваться. Чтоб бежать! Куда?

ПРО ГЛАВНОЕ

С нами в колонне Сарра Хацкелевна Левина. Она молодая, подвижная, с привлекательным, живым лицом. Она и ее муж из Вильно. Говорят по-русски с легким польским акцентом. Так говорила наша соседка, мать моей подруги Нилы Кунцевич.

Очень нравится мне муж Саррочки Борис Левин. Он и поэт и художник. Красивый, талантливый человек. У них дочка, Алечка.

Почему-то мне кажется, что Саррочка связана с подпольщиками в городе. Раньше она с нами не работала. А теперь иногда присоединяется к колонне фирмы «Готце — Лейман». Заметила, что во время работы она не раз исчезала. Может, среди ее белорусских друзей есть такие, кто связан с партизанами? Есть в ее поведении какая-то независимость, смелость.

А вокруг царит страх — люди всего боятся. Что-то нужно делать, искать выход. С кем еще из знакомых в городе можно связаться? Мамин поход к ее довоенной приятельнице, медсестре Людмиле Андреевне, ничего не дал...

Надо поближе познакомиться с Саррочкой...

ЛЕЙМАН

Ноют спина, руки, шея. Ноги подкашиваются. Сколько тачек с камнями, глиной, цементом перетаскали! Поначалу считали: пять, десять, двадцать. Потом перестали считать. Сегодня нам повезло. С утра раза два отдыхали. Разрешил шеф Отто, который командует нами. Нет, Отто не из коричневой своры. Даже внешне он не похож на них. Глаза у него добрые и отчего-то грустные. Он всегда позволяет отдохнуть, когда поблизости нет Леймана, одного из хозяев фирмы, в которой мы работаем.

Лейман ходит по стройке, заглядывает в каждый угол и громко кричит. Пронзительный, гортанный крик его слышен издалека. Мы прячемся от него. Никогда я не слыжала такого мерзкого голоса. Он вызывает в душе такую же боль, как свист хлыста, с которым хозяин никогда не расстается.

Бьет Лейман наотмашь. Подойдет и внезапно полоснет, как саблей. Словно предлагает игру в скакалку с неудачным концом — ударом по ногам. И тогда довольно хохочет. От его хохота становится страшно.

Нас путает сам вид его. У него рыжие волосы, красное лицо с распухшим носом, вылинявшие брови и зеленые колючие глаза. Поражает и обувь: высокие коричневые краги с ремнями и металлическими пряжками.

Я ненавижу его. Он недавно бил маму. Кажется, в тот момент он бил и меня. Бил, смеясь, с радостью.

...Вместе с Гитой Ефимовной Мацкевич, красивой, представительной женщиной, врачом, мама тянет тачку. Лейману это доставляет удовольствие: два врача в одной упряжке. Он внимательно следит за ними, держа в руках хлыст.

Мы с Асей идем следом за мамой и Гитой Ефимовной. Вдруг мама спотыкается, падает. Из тачки вытекает раствор.

Я бросаюсь к маме.

Лейман изо всей силы стеганул ее по спине. Бегу спасать маму. Хватаю на лету хлыст. Я уже не боюсь его. Плачу и кричу что есть мочи:

— Schlage Mutti nicht! Sie ist doch ein Mensch! ¹

Удивительно, но Лейман перестает бить. Он поглядывает то на маму, то на меня. Потом переводит взгляд на Отто.

Тот смотрит на него с укором.

Лейман визгливо вскрикивает: «Verflüchte Juden!» ² — и отходит.

ОТТО

У Отто взгляд добрый, участливый. Он уже в годах, наверно, за сорок... С явной благосклонностью относится к еврейке Эдит.

Здесь работают две еврейки из Германии — Эдит и Линда, которые живут в зондергетто. Зондергетто — место, где поселили евреев, вывезенных из разных городов Германии и из других стран Западной Европы. Но у нас их всех называют «немецкими», а еще «гамбургскими» евреями. Зондергетто находится в нашем гетто, но особняком, огорожено колючей проволокой.

Эдит и Линда держатся вместе. Линда — маленькое, слабое существо. Она, как тень, ходит за Эдит. Даже в этой обстановке Эдит выглядит женщиной, исполненной достоинства. Тяжелый валик светлых волос, высокая тонкая шея, светло-серые глаза с длинными ресницами. Ходит легко, как балерина. Возможно, она и в самом деле балерина?

Мы с Асей наблюдаем за Отто и Эдит. Немец охотно разговари-

¹ — Не бей маму! Она же человек!

² «Проклятые евреи!»

вает с ней. Часто замечаем, как Эдит и Линда едят серый немецкий хлеб. Это, конечно, угостил Отто.

Встречаемся взглядом с Отто. Он что-то говорит Эдит, потом обращается ко мне.

Выяснилось, что Эдит хочет научиться говорить по-русски. Я недоумеваю: в такое время учиться, когда не знаешь, будешь ли через минуту жив? Эдит начинает разговор:

— Я понимаю слéва: клéб, дом, горéд.

Ага! Она уже знает несколько слов.

— Bitte ¹, — волнуюсь я.

— Hübsches Kind ², — говорит Отто.

Эдит объясняет, что Отто говорит обо мне, что я напоминаю ему дочку Магду...

Как это странно: где-то в Германии есть девочка, немка, похожая на меня!

«ПОМНИ, НА МОГИЛЕВСКОМ ШОССЕ!..»

На Свердлова, возле фабрики-кухни я вдруг увидела Нилу Кунцевич, свою любимую подругу. Нежно-розовое лицо, ямочки на щеках, длинные каштановые косы.

Вместе прятались в газоубежище. Там была и группа артистов-лилипотов из цирка. Мы с Нилой очень смеялись, когда Инна поинтересовалась у одной лилипутки:

— Девочка, ты ж еще маленькая. Почему носишь туфли на высоких каблучках?

Вообще вся наша жизнь прошла вместе. Книжки общие, песни общие, цветы на клумбах под окнами общие. Вместе их сажали.

Отец Нилы коммунист. До этого я не знала, удалось ли им эвакуироваться. Значит, нет.

Радостно обнялись. Я с проклятым клеймом — желтыми заплатами. Это опасно для Нилы.

— Где ты? Где твой?

— Мы уже не в Минске, — отвечает она. — Здесь небезопасно для папы. Многие его знают... А как твой? Что будете делать? Не обращайся... Сзади немец...

Нила говорит быстро, торопливо:

— На всякий случай запомни: мы пока в Волме, на Могилевском шоссе.

Поспешно прощаемся.

— Помни, на Могилевском шоссе!..

ГАТТЕНБАХ

Гаттенбах — это фамилия одного из комендантов гетто. У нас его называют «хозяином». Хозяином гетто. Квадратная фигура в зеленой шинели. Квадратное красное лицо.

Как только его машина останавливается на территории гетто, мы уже знаем, с его приездом начнутся облавы.

Вот почему так затаилось, притихло гетто, когда в последний день февраля машина Гаттенбаха остановилась на Юбилейной возле юденрата. Слух об этом разнесся молниеносно.

Гаттенбах сказал в юденрате:

— Пять тысяч душ! На спецработы...

Некоторые думают, что немцам и в самом деле понадобилось столько людей на какие-то спецработы.

¹ — Пожалуйста.

² — Славная девочка.

Люди осторожно начинают действовать, копают что-то вроде укрытий, тайников. Днем и ночью. В самых разных местах: в погребах, под печками. Сносят туда еду, запасаются водой.

Наше убежище в обычном погребе. Вход в него замаскирован.

Два предыдущих погрома — седьмого и двадцатого ноября 1941 года — начинались на рассвете.

Первое марта проходит спокойно. В ночь на второе не спим. Сидим у окон. Наиболее отчаянные выходят на улицу, прислушиваются, расспрашивают друг друга. Как обычно, у колючей проволоки прохаживаются немцы, полицаи. Может, пронесет?

Время идти в колонну, на работу. Напряжение спадает. Появляется надежда...

ПОГРОМ 2 МАРТА

Часов в двенадцать на Свердлова прибежали мои подружки — белоруски Ната и Нина.

— Не ходите в гетто. Там погром!

Сразу вспоминаю приезд Гаттенбаха в юденрат! Его слова: «Пять тысяч душ!» Вот почему столько колонн не выпустили сегодня на работу в город. Нашей колонне посчастливилось — она одной из первых вышла за пределы гетто. А мама с Инночкой там...

— Я побегу туда.

— Куда побежишь? — останавливают девочки. — И им не поможешь, и себя погубишь...

Ната и Нина печальные стоят рядом. Чем они могут мне помочь? Взять к себе — опасно.

Стоим и плачем.

— Ася жива? — спрашивает Ната.

— Ага, только очень больная... У нее припадки с той поры, как немец ударил плетью по голове. Ей сегодня худо... Идите домой... Спасибо...

Ноги стали непослушными. Плетусь долго-долго. Ася сидит на приступках лестницы, закрыв глаза. Ей плохо.

Тяжко говорить про новость, с которой пришли Ната и Нина. У Аси в гетто осталась мама. Отец погиб в первые же дни во время облавы. Родители Аси — юристы. Семья Воробейчиков была очень уважаема в городе.

Я всем рассказываю про страшную новость. Может, люди разбегутся? Может, у знакомых спрячутся? Хотя куда бежать?

Подхожу к Эдит и Линде.

— In Getto eine Aktion¹, — говорю я.

— Aber in Sondergetto dasselbe?² — спрашивает Линда.

Я умоляюще смотрю на Эдит.

— Man muß Otto sagen. Ins Getto darf man nicht gehen. Alle werden erschossen...³

Попросить Отто? Что он может сделать, особенно теперь, когда Лейман вернулся из Германии?

Эдит молчит...

Я уже не беспокоюсь о себе. Мои мысли только о маме с Инной. Представляю себе, как они забираются в тайник, как сидят там, измученные, перепутанные. А может, их уже нет?

Время, кажется, остановилось, не движется. Боюсь спросить: а вдруг уже закончился рабочий день и нас вот-вот поведут туда, в гетто?

Никто не бежит, не пытается скрыться в городе. Да и куда бежать без паспорта.

¹ — В гетто погром.

² — А в зондергетто тоже?

³ — Нужно сказать Отто. В гетто нельзя идти. Всех перебьют...

Эдит объясняет, что Лейман из Германии еще не приехал. Но есть ли надежда? Что может сделать Отто?

В пять часов Отто объявляет, что колонна в город не идет...

Вечером он принес нам хлеб.

Ночь проводим в подвале...

Утро 3 марта.

Работаем, таскаем тачки. Как там мои? Может быть, их уже нет? У Аси снова приступ эпилепсии. Отто освободил ее от работы. Сидит, бедненькая, на ступеньках лестницы, думает о своей маме...

Я таскаю тачки с Юлей Горфинкель. У нее уже нет родителей, их убили.

От усталости едва переставляем ноги.

Отто то и дело переговаривается о чем-то с Эдит. Мы просто молимся на него. На свой страх и риск он не пустил колонну в гетто.

Как он объяснит свой поступок, если спросят?

Сегодня он не похож сам на себя. Нервничает: не там положили, не туда носите. Мы понимаем, у него скверное настроение.

Конец рабочего дня. Отто выстраивает колонну, ведет в гетто.

...Вокруг лужи крови на снегу — следы погрома.

Навстречу бегут люди. Ко мне бросается Инна с какой-то женщиной. Боже мой, я едва узнаю маму. Живая! Только маму действительно не узнать! Желто-синее лицо, какие-то серые волосы, пальто на ней длинное-длинное. Да, это мама, страшно похудевшая, потому и пальто стало длинное, болтается, как на вешалке.

— Живы, живы, — я плачу от радости.

Замечаю рядом Отто.

— Мама, это он спас всех...

Мы смотрим ему вслед. Он направляется с Эдит и Линдой в зондергетто. Я спрашиваю, был ли там погром.

— Нет, — отвечает мама, — их еще не трогали.

Юля тоже обнимает маму. А где Ася? Жива ли ее мать?

— Я искала ее, не нашла. Все, кто остался в живых, прибежали сюда, — говорит мама.

Мы бежим на Обувную, к Асе. Двери распахнуты, она сидит на кровати бледная, окаменевшая.

Ася осталась одна...

Все, кто был в укрытии, живы.

Мама рассказывает:

— С утра началась паника. Задержали рабочие колонны. Мы поняли, что вашу колонну раньше выпустили за ворота. Потом началась стрельба. Гетто оцепили. Мы успели спуститься в погреб. Инночка прижалась ко мне, дрожит. Ноги, спина, руки немеют. И о тебе думаю, о папе, о бабушке... А потом, — мама замолкает...

— Они стреляли в наш погреб, — продолжает соседка-врач Гита Ефимовна, стискивая виски. — И стреляли долго-долго.

— Нашли вход?

— Нашли... Только не спустились вниз, а стреляли с лестницы... Хорошо, что погреб длинный, мы забились в самый дальний угол. Вдруг слышим: «Да нет там никого. Видите, не кричат... Эх, взорвать бы этот кагал!»

— Я думала, что бросят гранату, — дополнила маму Гита Ефимовна. — Как хотелось выскочить наверх, кинуться на этих нелюдей. Только подумала: выскочу — всех выдам.

Какая красивая женщина Гита Ефимовна! Высокая, стройная. Глаза яркие, синие. Волосы каштановые, связанные на затылке большим узлом.

— А знаете,— вдруг говорит мама.— Вчера у меня был день рождения.

— Ну вот,— обнимаю я маму,— мы победили в твой день рождения — остались в живых...

«ХОЧУ ТЕБЯ НАРИСОВАТЬ...»

К этому никогда не привыкнешь! Нельзя смотреть в остекленные глаза Сарочки Левиной. Они как мертвые. Еще несколько дней назад ее муж и дочка были живы. Их убили во время погрома 2 марта. Алечку — в гетто. А Левина — на работе в городе. Говорят, он погиб героически. Какой-то немец отделил его от других как «фахарбайтера» — специалиста. (Левин — художник, работал маляром.) Но он остался с товарищами. Они вместе бросились на немцев.

Люди предполагают, что он и его друзья были связаны с подпольщиками...

...Не могу забыть его лицо, такое красивое, умное. Это ведь только что было... Мы с Асей и Юлей стояли рядом с ним в колонне.

— Слушайте, а мы не забыли?

З-над пушкаў Палесся,
З-над Нёмана, Сожа...

Меня понесло, как на крыльях, я подхватила:

З-над Пцічы, Дняпра и Заходвйя Дзвіны...

Кто-то взял меня за локоть.

— Я хочу нарисовать тебя, девочка... Вот такой, какая ты сейчас... Это был Борис Левин.

КОНФЕТЫ И ПУЛИ

После 2 марта просто боюсь подходить к юденрату. Там, совсем рядом, на Ратомской улице, немцы расстреляли всех людей, которых выгнали из укрытий, все колонны, что не успели выйти из гетто. Там свершилось еще одно злодеяние — убийство воспитанников детского дома.

Говорят, что перед этим один из фюреров был в гетто и угощал будущих жертв конфетами.

Гестаповцы бросали в яму живых детей и засыпали землей. Стонала и шевелилась земля. Невозможно ни представить себе, ни осознать такое. Когда подхожу к юденрату, кажется, этот стон слышится и сейчас...

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЯЛИ БРУК

«...Голод страшный. Холод еще хуже. Мы живем в больнице, в палате, где работала мама. Тут были scarлатинозные больные. Потом вся больница заполнилась тифозными.

26 марта захворала мама. Через несколько дней слегла и я. У нас был сыпной тиф в тяжелой форме. Я его выдержала, хотя очень похудела.

За одним несчастьем следует другое. 16 апреля не стало нашего папы. Такого доброго, любимого человека.

...Никогда не забуду, как в больницу людям приносили передачи. Нам некому было носить. И вдруг:

— Брук! Буханка хлеба и три куска сахара.

И записочка от Яшки Черного, моего товарища по школе. Спасибо, дорогой друг.

Когда был жив отец, он тайком навещал Толика. Оказывается, Толик не у Лены Соколовой, а у другой соседки — Гали Тумилович.

Мы ее раньше не знали... Живет она с мужем, но детей нет, потому и попросила нашего Толика.

...Так вот в больнице мы получили от нее записку и установили с нею связь. Муж у Гали шофер. Когда мы вышли из больницы, они передали нам продукты».

ИЗ ЗАПИСЕЙ БЕРТЫ МОИСЕЕВНЫ БРУК

«...Каты ворвались в нашу больницу... и перебили всех больных из 31-й палаты. Среди них был мой муж. Так оборвалась жизнь Жени, который со дня на день должен был получить документы, чтобы вырваться из города и встать в ряды народных мстителей.

...Я не знала, что навсегда потеряла своего лучшего друга, что у Ляленьки нет больше отца. От меня это утаивали. Но я слышала плач Ляленьки, которая лежала рядом на кровати.

Когда немного окрепла, начала вставать, Ляленька мне все сказала. Я еще даже плакать не могла, не могла осознать того, что творилось вокруг, лежала, опухшая от голода...

К нам в больницу пробралась Тася — сестра Гали Тумилович, которая после первого погрома забрала к себе Толюшку...

...Тася принесла немного бураков, картошки и буханку хлеба. С той поры помогала, чем могла».

РЯДОМ

Нас ведут в колонне. Проходим мимо тюрьмы на улице Володарского. Тут сидят те, кто сражался против фашистов. Может, среди них есть и мои знакомые? Мысленно благодарю узников. Знаю, что их ожидает, и сердце разрывается от боли.

Не раз уже думали, как же связаться с подпольщиками, партизанами? И мама, и я, сорвав латки, отлучались с работы, блуждали по улицам в надежде встретить знакомых.

С тех пор, как приехал Лейман, оставлять работу опасно.

Сегодня я в колонне без Аси и Юли. Ася с тяжелой ангиной. Юля начала кашлять кровью. Дрянная погода, вечно мокрые ноги. Девчонки расхворались, не пошли на работу...

Что делать? Как найти выход? Наверно, и в гетто есть подпольщики. Как связаться с ними?

У нас ведь столько знакомых в городе! Хоть кого-нибудь встретить! Люди сейчас не очень-то разговорчивые, а вдруг?..

Неожиданно на углу улицы Урицкого вижу на тротуаре девушку. Она поворачивается ко мне.

— Нина! — узнаю Нину Липницкую, с которой когда-то была в пионерском лагере в Тальке.

— Я тебя давно ищущу, — шепчет Нина, шагая рядом.

Хорошо, что сегодня в гетто нас ведет Отто! Он делает вид, что ничего не замечает. А Нина идет рядом.

— Мама, сестра живы?

— Пока что живы... А как ты?

— И не спрашивай... Возможно, мне удастся тебе помочь... Достать паспорт... С ним ты выберешься из гетто...

— А мама, сестра?

Нина пожимает плечами.

Быстро отдает мне сверток.

— Тут хлеб, немного сала.

С любовью, с невыразимой тоскою гляжу я на Нину. Боюсь, что вижу ее в последний раз. В моем положении каждая встреча может стать последней.

Мы идем рядом. Приближаемся к воротам в гетто. Разговаривать здесь опасно.

— Нинок, — чуть слышно говорю я, — как хорошо, что мы вместе. Спасибо тебе. Прощай!

Нина прижимается ко мне, шепчет:

— До свидания. Постараюсь помочь тебе.

Она отдаляется от колонны. Я уже не вижу ее за толпой.

Вспоминаю пионерский лагерь в Тальке. Там когда-то мы выступали в самодеятельности, пели: «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо...»

Мы и сейчас смотрим смерти в лицо. Мы вместе, мы рядом.

КАРТОШКА, ХЛЕБ, МЕДИКАМЕНТЫ...

Теперь можно продержаться еще какое-то время. Мама ходила к Ефиму Абрамовичу Давидовскому. Он живет на Ратомской. Это бывший мамин пациент. Его дом не сгорел. И он меняет кое-что из одежды на харчи.

Ефим Абрамович обрадовался маминному приходу. Поделится всем, что имел. Мама принесла от него сущее богатство: хлеб, муку, картошку! Дал кое-какие медикаменты из своей домашней аптечки. Люди очень часто приходят к нам за помощью. А как можно помочь без лекарств? А еще мама принесла от Давидовских гематоген. Мы полакомились им — настоящий шоколад!

РАФАЛОК

Снова видели Мирку Маркман из юденрата.

— Как живешь? — интересуется задира, бывший студент Рафалок Новодворец.

Мы знаем, что этот юноша с цыганскими глазами нравится ей.

— Лучше не бывает! — смеется Мирка.

— А чем занимаешься?

— Работаю милиционером, — не то серьезно, не то с усмешкой отвечает Мирка. — Видел до войны женщину-милиционера? Нет? Ну так теперь посмотри.

— А где твой работает?

— Мой? Отгадай загадку! Руки грязные, но харчи есть...

— А у тебя руки чистые?

Мирка сначала не догадывается, на что намекает Рафалок. Смеясь, она протягивает юноше руки. Мол, чистые, посмотри. А потом понимает, в чем дело:

— Ты что это? А ну проваливай в колонну! И не попадайся...

«СКАЖЕШЬ: Я КОСТЯ ДАМЯНОВ...»

Видимо, Рута задумала это давно. Ее соседка Шэва Озер говорит, что накануне Рута старательно отглаживала детский матросский костюмчик. Шэва еще удивлялась: зачем?

Дом, в котором перед войной жила Рута, не сгорел, и она взяла с собой в гетто и документы, и кое-что из вещей. Эту матроску тоже. С вечера она несколько раз примеряла костюмчик на Костика, кое-где ушила, потому что рубашонка и штанишки на мальчугане болтались. Потом долго учила его:

— Скажешь: я Костя Дамянов. Мой отец болгарин...

Утром Рута одела на сына матроску, подошла с ним к колючей проволоке.

Шэва стояла неподалеку и все слышала и видела.

Когда охрана прошла мимо, Рута проделала в проволоке дырку, выпустила мальчика за ограждение.

— Стой тут, сынок, не отходи.

Подождала, когда полицей повернет обратно и подойдет к ним, даже сама позвала его:

— Сюда! Сюда!

Полицей удивился:

— Что за цирк? Почему он здесь?

— Послушай меня, послушай. У него отец болгарин. Его зовут Костя Дамянов. Вот метрика.— Рута просунула через проволоку документ.

Полицей покрутил метрику в руке, переспросил малыша:

— Так кто ты?

— Я Костя Дамянов... Папа — болгарин,— испуганно залепетал малыш.

— Ишь, вызубрил! Сколько твоему здыхлику лет?

— Шесть ему, шесть. Там все написано.— Рута умоляюще смотрела на полицей.

— А тебя как зовут?

— Рут Столярская, Рута.

Полицей передернул плечами.

— Во имечко!.. А где его отец, болгарин твой?

— В Игарке.

— Сослали? — полицей издевательски ухмыльнулся.

— Нет, нет. За неделю до войны в командировку поехал.

— Чего надо? Говори скорей. И так с тобой валандаюсь.

— Отведите мальчика в город. В детский дом. Вот, возьмите.— Рута сняла с пальца кольцо.— Золотое, обручальное.

Полицей цапнул его, зыркнул по сторонам.

— Что еще у тебя есть?

— Ничего...

Малыш сообразил, что происходит.

— Мама, я не пойду с ним!

— Иди, Костик, иди, сынок.

Полицей прикладом отпихнул ребенка от ограды.

— Пошли.

Рута вдруг испугалась:

— Ты не убьешь его? Не убьешь?

Она пролезла через дырку в ограждении, побежала следом.

Из-за поворота показались немцы и полицей. Один из них вскинул автомат...

Рута пошатнулась, упала, потянулась вперед руками.

КТО ОН ТАКОЙ?

Что ему нужно? Можно было предположить, что ему кто-то из нас нравится, но относится он одинаково ко всем: к Асе, Юле, ко мне. Откуда знает наши имена? Сразу, как появился, так и сказал:

— Guten Tag, Mädchen¹.

И назвал всех нас.

...Мы смотрели на него с удивлением и ужасом. От серо-зеленой одежды сразу повеяло холодом и страхом. Почему-то его интересовало, кто наши родители, где они работали до войны, живы ли. Вскоре он ушел, оставив на лестнице, на которой мы отдыхали во время перерыва, буханку серого хлеба, разрезанного на три части, и три кирпичика зеленого мыла. Мы долго не отваживались дотронуться до этого богатства, а потом осмелели, взяли все. Что это за человек, для чего мы понадобились ему?

Когда пришел снова, вели себя посмелее. Разглядывали его светлые волосы, тонкий нос, раздвоенный подбородок. Он опять интересовался, где мы живем в гетто, кто наши соседи. Брали сомнения, не

¹ — Добрый день, девочки.

может ведь из простого любопытства терять с нами время. Возможно, отыскивает тех, кто ему нужен?

...Называем его, как всех немцев, фрицем. Или серо-зеленым. Это уже третий его приход. Не сразу узнаем, потому что на этот раз он не в серо-зеленом, а в черной форме.

Договорились ничего не говорить ему. Но он спрашивает о самом обычном: каким путем нас ведут в гетто? Всегда ли по Республиканской? Или другой дорогой?

Ася объясняет фрицу, что всегда по Республиканской.

— Не рассказывай,— возмущается Юля.— Мы же договорились...

— Почему? Рассказывай, Ася, не бойся.

Мы поражены. Значит, он говорит по-русски!

Кто же это: русский или немец? Путаемся в догадках.

Снова лежат на лестнице разрезанная на три части буханка серого душистого хлеба и три кусочка мыла.

НОЭМИ

Когда она проходит мимо, и мужчины, и женщины провожают ее взглядами.

— У нее лицо библейской Суламифи,— сказал как-то учитель Лев Авраамович Мирский.— Девушки расцвели наперекор войне.

Нашу Суламифь зовут Нозми. И это певучее имя очень подходит ей. У нее смуглое яркое лицо, волнистые темно-рыжие волосы, высокая легкая фигура.

Мы познакомились с Нозми, когда поселились тут, в Слободском переулке, после погрома 20 ноября. Она живет рядом, на Коллекторной.

Лев Авраамович был прав, когда сказал, что девушки расцвели. А Шэва Озер, соседка Нозми, говорит, что они расцвели на беду, советует повязать голову косынкой, не поднимать глаз, сутулиться, прятаться от немцев, чтоб не приставали.

Но они все-таки углядели Нозми...

...Теперь мы убираем барак, где живут немцы железнодорожники. Он находится на Московской улице, у Западного моста. Мы — это Ася, Нозми и я. Выходим на работу с той же колонной, которая работает на строительстве дома на Свердлова. Потом нас отдельно немец железнодорожник ведет в барак.

Барак убирают еще две белорусские девушки: Таня и Люда. Удивительно, но немцы железнодорожники не запрещают нам говорить с ними. Поначалу мы избегали девчат. Люда и Таня тоже боялись говорить с нами. А теперь освоились, стали одалживать друг у друга ведра, тряпки, даже едой делились.

Как-то в барак зашел шеф герр Минц. Он долго, насупившись, смотрел на Нозми. А вскоре заявился снова и забрал ее.

Минц определил Нозми уборщицей к себе. Это очень опасно для нее. Несколько раз он уже задерживал девушку, отправлял в гетто не с нашей колонной.

Вокруг Нозми происходит что-то непонятное. Она снова не пришла домой вместе с нами. Мама заволновалась, ходила к ней на Коллекторную. Нозми дома не застала. В комнате, где она живет, сидел полицейский...

То, что рассказала Нозми, поразило. Это первая женская тайна, которую доверили мне. Выяснилось, что полицейский, которого видела мама,— совсем не полицейский. Это бывший одноклассник Нозми Слава Ракицкий. Они давно любят друг друга. Он пытается спасти Нозми, для этого и раздобыл полицейскую форму.

Слава беспокоится за Нозми. И есть отчего! Обычно Слава поджидает ее на Республиканской, когда колонну ведут в гетто. Бывает, посмотрят друг на друга, и уже легче. А тут эта история с Минцем, о которой она не может ему рассказать. Вот почему, не встретив ее в колонне, он зашел к Нозми домой.

Нозми просила Славу не рисковать. Но он успокаивал, обещал, что скоро добудет для нее паспорт и они вместе уйдут из Минска. Понимаем: к партизанам или искать их...

Я свидетель того последнего страшного свидания Нозми и Славы. Наша колонна возвращается с работы.

Уже видны входные ворота, обжигающая сердце надпись на них: «Eintritt verboten! Zutritt verboten!»¹

Вдруг Нозми хватает меня за руку, шепчет:

— Вон Слава в полицейской форме.

Он приближается к нам, расталкивает колонну, успевает что-то отдать Нозми. В тот же момент к ней бросается полицай, вырывает из рук сверток, разворачивает.

— Паспорт, — кричит он, — паспорт!

Слава сделал все, что мог, чтоб вызволить Нозми. Но, видно, за ним уже следили...

Теперь их ведут обоих: Нозми и Славу. В тюрьму или сразу на расстрел?

МОЖЕШЬ БЕЗ ЗАПЛАТ

Отто очень хорошо относится к Ане Ботвинник. Аня — учительница. Рыжеватая, с удивительным бело-розовым цветом лица, серыми глазами, спокойная, сдержанная. В доброе довоенное время Ася преподавала и математику, и немецкий язык. Аня у Отто и у нас за переводчицу.

Аня познакомилась с Отто раньше нас. Тогда он впервые получил колонну рабочих и заинтересовался, кто понимает по-немецки. Аня не хотела признаваться. Но женщины указали на нее. Отто поговорил с нею и удивился:

— Наверное, у тебя были богатые родители и учили языкам?

— Да нет, мои родители были простые рабочие люди. Нас всех учило государство, причем бесплатно. А потом я сама стала учительницей.

Отто с уважением относится к Ане. Приносит кофе. Как-то увидел, что она торопливо пришивает свой желтый круг (недавно ходила в город), подошел и сказал:

— На работе можешь ходить без заплат. Пришьешь после, когда в гетто пойдешь.

Отто — замечательный человек! В этом мы убедились.

От Ани узнали, что его фамилия Шмидт, что он инженер-строитель, ненавидит Адамского и Леймана — шефов фирмы «Готце—Лейман», на которую нас заставляют гнуть спины.

БЕДНАЯ ХАНКА

Бедная Ханка... Искалеченная душа... Ей же всего шестнадцать... Этот нелюдь долго выслеживал ее. Не удивительно, что она ему нравится! Одни косы чего стоят! Длинные, черные. А сама — что птаха трепетная. Доверчивые голубые глаза, ямочка на подбородке.

Барвар! Вынудил, взял ее силой.

Воспользовался своей властью — блюстителя порядка. Геттовский полицай! Такой же полицай, как те бобики, что там, за проволочкой.

¹ «Вход запрещен!»

Обманул Ханку. Сказал, что сможет предупредить ее про облаву на Зеленой улице, на которой она живет, спрячет в юденрате. Только за это она должна прийти к нему... Мол, просто так прийти, поговорить...

И Ханка поверила. Пришла в назначенный час.

ИНГРИД

— Беги, молодежь хватают! — кричит мама и толкает меня в противоположную сторону. Я бегу и вижу, что и оттуда надвигается цепь зеленых шинелей.

Слева дворы и дома Обувного переулка. Справа — колючая проволока зондергетто.

Уже слышатся немецкие команды, крики людей.

Все! Западня! Выхода нет!

— Mädchen! Mädchen!¹ — вдруг слышится голос со стороны зондергетто. Я поворачиваюсь и вижу возле проволоки девочку. — Hier, schneller!² — шепчет она и делает в ограждении проход.

Я пролезаю на территорию зондергетто. Останавливаюсь там, будто опасность уже миновала, выглядываю, ищу глазами маму. Ее не видно.

— Schneller, schneller komm ins Haus³, — тянет меня за руку девочка. И мы забегаем в дом.

Я чуть отдышалась. Кидаюсь к окну, беспокоюсь:

«А вдруг это снова погром?»

— Mutti, Vater, dieses Mädchen ist aus einem Getto⁴.

Незнакомые люди смотрят на меня. Потом что-то спрашивают. Я не понимаю. Часто, прерывисто дышу.

Женщина подает мне стул, приносит стакан воды.

Я в изнеможении плахожусь на стул, осматриваюсь. Тотчас появляется мысль, что бывших хозяев дома, должно быть, уничтожили, а этих, новых, поселили тут недавно. Шкаф, комод, кожаный диван с высокой спинкой. Такая мебель была почти в каждом довоенном доме. Но что это так притягивает взгляд? Чемоданы! Не наши, заграничные. Их четыре, стоят один на другом. И на столе какая-то удивительная вещь. То ли ларец, то ли шкатулка с мозаичным рисунком. Не могу оторвать взгляда от шкатулки. Видно, девочка замечает это. Она открывает ее. Звуки Турецкого марша ошеломляют меня.

— Моцарт... Моцарт... — шепчу я. Хозяева сдержанно улыбаются.

Ну да! Это ж родители девочки, которая спасла меня! Высокий худой отец и маленькая тоненькая мать.

Моцарт... Добрые глаза людей... Другой мир, думаю я, совсем другой мир... Но спохватываюсь: это остатки того довоенного мира.

Смолкает волшебная музыка.

— Danke, danke⁵, — говорю я и направляюсь к дверям.

— Nein, nein! . . Ich sehe nach⁶, — останавливает меня женщина.

Но девочка опережает ее.

— Ингрид! Ингрид!

Вот как зовут мою спасительницу. Какое красивое имя!

Ингрид быстро возвращается. Бледное, испуганное лицо. Она что-то рассказывает родителям. Я вслушиваюсь и понимаю: возле ограждения лежат убитые мальчики.

— Mit Flicken?⁷ — спрашиваю я. (Если с латками, значит, из нашего гетто.)

¹ — Девочка! Девочка!

² — Сюда, скорей!

³ — Скорей, скорей в дом.

⁴ — Мама, папа, эта девочка из того гетто.

⁵ — Спасибо, спасибо.

⁶ — Нет, нет! Я пойду посмотрю.

⁷ — С латками?

Ингрид утвердительно кивает головой.

Понимаю, мое присутствие для хозяев небезопасно. Снова направляюсь к дверям. Отец девочки останавливает меня. Замечаю, какое у него желтое, измученное лицо. Вдруг он затрясся от кашля. На приложенном к губам носовом платке — кровь.

...Сколько же времени я здесь? Хозяйин выходит из дома. Мне кажется, что его нет целую вечность. Наконец он возвращается и говорит, что можно идти.

— Danke, danke, — шепчу я и бегу к ограде. Ингрид через дырку выпускает меня.

Я бегу к себе на Слободской. Мысли путаются: как там мама с Инной? Не схватили ли моих подружек Броню и Леночку Гольдман? Кто они, мои спасители из зондергетто? Откуда их привезли? Какой больной у Ингрид отец... Наверно, чахотка.

В гетто, сдается, из моих знакомых никто не умирал своей смертью...

НОЧНОЙ ПОГРОМ

31 марта 1942 года.

Просыпаемся от стрельбы. Она совсем рядом. До этого ночью погромов не было. Что ж это такое?

— Партизаны! — бросается к дверям Хаим Пульман. — Я иду с ними!

Не успеваем опомниться, Хаим хватает лом, выскакивает из дому. И тут же выстрел. Мы понимаем: Хаим убит, это снова погром или облава.

Гуртом забиваемся в маленькую комнатушку. Дверь баррикадируем шкафом. Поглядываем в окно. Сидим, затаив дыхание.

...Голоса немцев и полицаев где-то рядом. Отодвигаемся от окна, но так, чтобы просматривался двор. При свете месяца и фонариков видим, что из дома напротив (он числится по Коллекторной улице) выгоняют людей. Женщины выносят на руках детей. Кого-то тащат по земле. Людей подгоняют прикладами, ставят у стены. Отчетливо слышны команды:

— Zum Wand! Von Wand! ¹

Люди поворачиваются то лицом, то спиной к стене.

— Schneller! Schneller! ²

Люди кружатся быстро, быстро, как заводные. Не выдерживают, падают...

— Stehen! ³

Все останавливаются.

Раздаются выстрелы. От ужаса прижимаюсь к маме, Инне. Что-то плывет перед глазами, ноги становятся ватными...

Издалека доносится грохот. Нет, это не издалека. Барабанят в наши двери. Ясно слышен разговор:

— Мы тут, кажется, не были?

— Точно, не были!.. Но куда они подевались? Может, Софронов повыгонял их? Залазь в погреб.

Мы затаились, не дышим. Боимся за Павлика. Его, трехлетнего мальшпа, мать прижала лицом к груди, чтоб не плакал, не кричал.

Видать, полицай слазил в погреб, потому что слышим:

— Пусто! Нет никого.

Они уже возле шкафа, который скрывает нас. Открывают его, копошатся в одежде.

— Бери своей Раисе...

— Гы-ы-ы, оно большое... Лучше это возьму. А ты чего не берешь?

¹ — К стене! От стены!

² — Быстрее! Быстрее!

³ — Стоять!

— Мои жидовского не носят.

Отходят. И вдруг выстрел. В шкаф. Бывают вепи, которым нет объяснения: никто из нас не ойкнул, не закричал. Даже Павлик.

Полицаи ушли. Но мы не выходим из укрытия. Светает.

На улице у стены убитые. Видим нескольких евреев из зондергетто. Их сразу отличаешь от наших по одежде. У одного на груди желтая звезда — могоендовид, иудейский знак. Немцы стали заставлять евреев из зондергетто носить эти желтые звезды, как нас — желтые круги.

Здесь же немцы и полицаи. Слышен разговор. Это, верно, пришла похоронная команда. Немцы заставляют евреев из зондергетто хоронить своих собратьев из нашего гетто. Наверно, сейчас понесут их на кладбище... Но что это? Расстрелянных складывают штабелями.

Тот, что с желтой звездой, отходит в сторону. Он совсем недалеко от нашего окна. Машет руками, плачет, его тошнит. Полицаи прикладом толкают его к штабелю мертвецов, заставляют переносить убитых.

По гетто пронеслась волна ночных погромов. Один из них был по соседству, в нашем Слободском переулке.

Ночи стали такими же страшными, как и дни.

КОГДА ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

В этот день в доме Темкиных радость. Сеня принес домой кусок сала и яйца. Вообще в последнее время юноша частенько незаметно убегает в город. Мужества и ловкости ему не занимать. Ну просто на глазах вырос, и такой отчаянный! Глаза серые, блестящие. И такая решимость в лице.

Днем была радость. А ночью...

Дом Сени стоит возле самого ограждения. Спят в гетто чутко, прислушиваются к каждому звуку. Сеня первым увидел немцев, которые окружали дом.

— Прячьтесь! Бегите! — закричал он, разбил окно и выскочил на Шорную, за ограду.

Когда вернулся домой, застал только мать. Она спряталась под кроватью, и ее не нашли. Все в доме были перестреляны. Сестру Сени Ривочку нашли на Обувной. Она пыталась бежать. Ее закололи штыком.

СЫПНЯК

В гетто эпидемия сыпняка. Мама ходила в инфекционную больницу, участвовала в ликвидации сыпного тифа.

Вообще-то она невропатолог, а в гетто и за терапевта, и за педиатра, и за травматолога... и за чернорабочую.

Только теперь мама рассказала мне про эпидемию. Очень боялась, чтоб немцы не дознались об этом. Они бы уничтожили гетто. Врачи, весь медицинский персонал молчали. Делали вид, что в инфекционной больнице лечат от других болезней.

ПОКА ЧТО...

Я уже не в первый раз прохаживаюсь возле ограждения зондергетто. Очень хочу увидеть свою спасительницу Ингрид. Может, она или кто-то из ее родителей подойдет сюда? Часто вспоминаю их. Музыкальная шкатулка... Моцарт... Их смелость... Им я обязана жизнью...

Если я увижу Ингрид, передам ей вот этот учебник немецкого языка для учащихся седьмого класса. Я нашла его в квартире в Слободском переулке. Видимо, кто-то из детей перед войной учился по нему.

Долго хожу возле зондергетто, а Ингрид не вижу. Их еще не хватало, не расстреливали. Из них формируют похоронные команды, приказывают после погромов собирать и хоронить убитых. Но пока что не расстреливают.. Пока что...

УБИЙСТВО ПОД МУЗЫКУ

Еще одна садистская выдумка... На площади у юденрата звучит музыка. Немцы собирают людей на аппели — это немецкое слово, которое означает «переключка», знают в гетто все. На них выступают с речами, зачитывают приказы. А бывает и такое: выводят людей и тут же расстреливают просто так, под музыку.

Утром мы с Асей к юденрату, где собираются люди на работу и где проводятся аппели, теперь не ходим. Присоединяемся к колонне по дороге, на Республиканской. Это очень опасно, рискуем жизнью. Но на аппелях с музыкой просто жутко.

ВЫРОДКИ

Люди с ненавистью говорят о выродках из юденрата и геттовской полиции: Розенблате, Эпштейне, Вайнштейне, Сегаловиче, Тульском, Рипельевском. Розенблат и Эпштейн из Польши.

Подлюг презирают и многие из тех, кто вынужден работать в юденрате. Не раз мы слышали, как они отменяли распоряжения немецких холуев во время отправки колонн на работу. Видно, с какой ненавистью и безразличностью относятся эти люди к изменникам.

ЦОРЕС

Я снова возле проволоки зондергетто. Снова ищу Ингрид. А рядом происходит что-то из ряда вон выходящее. Глазам своим не верю. Спекулянтка проникла в гетто и меняет харчи на вещи.

— Что ты продаешь, девочка? — спрашивает спекулянтка. (Слово по-русски, слово по-немецки.)

— Цорес, — слышу я знакомый голос.

Цорес — по-еврейски «горе». Присматриваюсь и вижу Ингрид. Светло-каштановые волосы, теплый приветливый взгляд.

— Ингрид! Ингрид! — кричу я и протягиваю девочке учебник.

Долго у колючей проволоки задерживаться нельзя. Я называю Ингрид свое имя и договариваюсь встретиться здесь завтра, когда вернусь с работы.

У Ингрид умер отец.

Да, Ингрид сказала правду: она может продать только горе.

Ее отец был учителем. Перед тем, как евреям из Франкфурта-на-Майне приказали выехать из города, он пошел попрощаться со своей школой, в которой преподавал. Только со школой, не с людьми. К нему подошли ученики, немецкие мальчишки. В этот момент его начали избивать штурмовики.

Я вспоминаю последнюю встречу Элиной мамы, Беллы Моисеевны, с ее учениками.

ПО ТРОТУАРУ — НЕЛЬЗЯ!

Матейку Шустера убили за то, что он шел по тротуару. Взяли и убили... Это называется «расстрел за невыполнение приказа». В

гетто все запрещено: покупать еду, громко разговаривать, ходить по тротуару...

Об этом немцы все чаще горланят на своих аппелях...

А Матейка Шустер был математик, шахматист, светлая голова.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Еще одна встреча с Ингрид. Стоим возле ограждения рядом с другими людьми, а она почему-то тянет меня в сторону. Потом просовывает через проволоку руку. На ладони — пятиконечная красная звезда! Откуда она у нее? Ингрид рассказывает: от отца. А откуда она у него, не знает. Может, он был коммунистом? На этот вопрос девочка пожимает плечами. Тельмановцем? Да, да, Тельмана любил.

Чувствую на своей ладони тепло родной пятиконечной звездочки, которым так доверчиво делится со мной девочка из Франкфурта-на-Майне.

ТАКОГО МЫ НЕ ВИДЕЛИ

Такого мы еще не видели...

Отто посылает Аню Ботвинник в канцелярию отнести какую-то бумагу. Велит снять латки, показывает, куда идти:

— Das liegt an einer Ecke. Da hast du Ausweis¹.

Аня идет по Советской, идет смело, уверенно. Вдруг рядом кто-то кричит:

— Куда разогналась? Я тебя не раз видел в колонне...

Полицай! Аня объясняет, что получила приказ отнести бумагу.

— Бреешь! Этого не может быть! Я отведу тебя в тюрьму!

Аня отвечает:

— Спроси у немца — он меня послал.

— Ладно, у меня есть полчаса. Пошли!..

Полицай приводит Аню на Свердлова. Люди бегут к Отто.

— Was ist los, Anchen?² — спрашивает Отто.

Аня рассказывает.

Мы не верим своим глазам: Отто дал полицая оплеуху! Тот просит прощения. Но Отто кивает на Аню.

— Bitte sie um Verzeihung³...

Такого мы еще не видели!

ВАЛЬТЕР

Четвертый приход серо-зелено-черного. Как это понять? Мы разглядываем удивительную фотографию. Такие снимки когда-то, до войны, делали в фотографии около кинотеатра «Красная звезда». На фото здание этого кинотеатра. Наш любимый кинотеатр! А внизу — фотокарточки юношей и девушек.

— Узнаете? — спрашивает немец, показывая на кого-то.

Мы внимательно рассматриваем и удивляемся: это ж его лицо, серо-зелено-черного!

— А как вас зовут?

— Вальтер.

— Немецкое имя...

— Да, немецкое...

— А на самом деле?

— Вальтер...

Не могу успокоиться. Рассказываю маме и Инночке об этом. Что все это значит?

¹ — Это на том углу. Вот тебе пропуск.

² — Что случилось, Аня?

³ — Перед ней извиняйся...

ОРДЫНСКИЙ

Мама опять ходила в город к друзьям. Мы едва дождались ее. Пришла со страшным известием.

Профессор Ордынский, с которым она раньше работала, обратился к немцам с просьбой разрешить его жене, еврейке, жить за чертой гетто.

Немцы разрешили. Но при условии, что немецкие врачи сделают ей стерилизацию.

Ордынский отравился...

ИТАЛЬЯНЕЦ

Женщина тащит кадку. Кадка большая, тяжелая. Женщина еле переставляет ноги. Ее нагоняет военный. Он все ближе и ближе. От страха она замедляет шаг. Солдат догоняет ее, забирает кадку. Женщина бросается наутек.

Военный в незнакомой форме кричит ей вслед:

— Ich bin nicks Deutsch. . . Ich bin Italiano. . . Italia — verstehen? ¹

Женщина останавливается. Итальянец помогает ей донести кадку.

Почему итальянец в Минске? До сих пор их тут не было. Были мадьяры, говорят, и румыны. А теперь появились итальянцы. Но ведут они себя пристойно.

БЕДИ-ГРЕТА

Никогда до этого не видела женщин-немок в гетто. Одна из них выбирает для себя из колонн дармовую силу.

— Du ², — ткнула меня в грудь.

Нас с Асей различают. Я не буду работать в колонне, которой руководит Отто? За все, что он сделал для нас, мы так благодарны ему.

А эта толстая рыжая хозяйка, какая она? Кажется, перемена в моей жизни ничего доброго не сулит...

Фрау Беди-Грета — так зовут немку. Возможно, имя ее пишется иначе, но звучит оно именно так.

Почему она поселилась здесь, в этом каменном доме на Мебельной улице? Мы ничего о ней не знаем.

Моем пол, стены, окна. Переставляем мебель, огромные фикусы, чистим, стелем ковры.

Кто она, эта фрау? Жена какого-нибудь начальника? А может, сама начальница?

И голос у нее хоть и женский, но такой же пронзительный, как у Леймана. Хорошо, что я проработала у нее всего несколько дней.

Слава богу, я снова в колонне, которую водит на работу Отто.

ГЕРР АДАМСКИЙ

Как же плакала Броня Гольдман! Как плакала!

Она работает теперь на разгрузке угля на железной дороге. И спрятала его немного в подол, чтобы дома протопить печку.

Именно в этот день Адамский сделал обыск. Во время обыска он нашел уголь. Броню за это люто избил. Зверь зверем.

Откуда у немца такая фамилия — Адамский? Возможно, среди предков были поляки? Но ведь немцы ненавидят поляков!

Почему-то он выбрал себе в уборщицы девушку из гетто.

Говорят, этот зверь Адамский хорошо к ней относится. Всякое бывает...

¹ — Я не немец. Я итальянец... Италия — понимаешь?

² — Ты.

ЛЕБЕДА С МОГИЛ

Мама с Инной ходили на кладбище. Нарвали там лебеды. Мама накрошила ее, положила на сковородку, подогрела.

Фима где-то достал сахарин. Пили кипяток с сахарином. Как вкусно.

ПОГРОМ 28 ИЮЛЯ

Тороплюсь, на ходу ем оладьи. Думаю о нашем ежедневном меню: мелко порубленная и разогретая на сковородке лебеда или крапива, оладьи из высевок или картофельных очисток.

Тороплюсь. Сегодня договорились с Асей пристать к колонне на Республиканской. Успеваю сделать несколько шагов по Обувному переулку, чувствую какое-то беспокойство. Беспокойство переходит в тревогу, тревога в страх.

Навстречу бегут люди, окровавленные, одежда изодрана в клочья.

Женщина с окровавленной рукой останавливается, тяжело дышит.

— Что там? — бросаюсь к ней. — Облава? Погром?

— Не знаю... Хватают... Запихивают в машины... Еле вырвалась...

Значит, погром! Первая мысль о маме с Инной. Успели ли спрятаться?

А я? Что мне делать? Забегаю в какой-то двор. Забора нет. Видно, разобрали на дрова. Прячусь за ворота. Мимо, с Республиканской, бегут люди.

Через щель в воротах вижу немцев и полицаев, которые перерезают путь этим людям.

Я будто слислась с воротами. Если снизу увидят ноги — пропала. Может быть, из-за травы не видно?

Выхода нет. Дом совсем рядом, но там тихо-тихо. По-видимому, его обитатели уже попрятались.

Слышу лай собак, которых спустили на людей.

Вижу, неподалеку немец в эсэсовской форме. Что-то спрашивает у полица. Полицай показывает ему дорогу. Немец поворачивается. Не верю своим глазам: Вальтер!

Что он здесь делает? В эсэсовской форме! С овчаркой! Неужели участвует в погроме? Но почему один, никого не хватает? Почему побежал в ту сторону, где мы живем?

А что если... позвать:

«Вальтер! Спаси нас! Спаси!»

Но не кричится. Крик застревает в горле. Он ведь немец...

...Машины гудят, гудят. Отъезжают или еще прибывают?

Вижу, немцы и полицаи побежали дальше по Обувной, направо. Дворами, ползком, прячась, бегу домой. Спотыкаюсь об убитых, падаю, поднимаюсь, снова бегу. Не помню, как добежала до дому. Помню теплые мамины руки. Мама уже отвела Инну в укрытие, ждала, а вдруг я прибегу.

Укрытие. Не видно лиц, не слышно голосов. Темнота, холод, страх скрывают нас. Жмемся к маме. Она, кажется, греет нас своим дыханием.

...Трое суток тянулся погром. Трое суток тьмы и ужаса.

ОТТО СПАСАЕТ АНЮ

28 июля наша рабочая колонна до начала погрома успела выйти за пределы гетто.

Аню Ботвинник в этот день направили на Мебельную, к Беди-Грете. В двенадцать часов там появились дети, которые спаслись от погрома. От них узнали, что творится в гетто.

Аня потом рассказала мне:

— Всех рабочих построили в колонны. Значит, поведут в гетто! Оглядываюсь, прикидываю, куда бы бежать... Совсем близко кладбище. Можно спрятаться за каким-нибудь памятником... Но там тоже стрельба и крики.

...Мы уже рядом с гетто, на Шорной. Колонны останавливаются. К нам приближаются эсэсовцы. Слышны слова: «Facharbeiter»¹, «Schwarzarbeiter»². Значит, у «фахарбайтеров» есть надежда на освобождение. А у «шварцарбайтеров» ее нет. Наша колонна вся из чернорабочих. И на Шорной, и на еРеспубликанской наготове машины. К машинам гонят людей. Вся дрожу, плачу.

И тут слышу голос Отто. Он объясняет эсэсовцу, что я работаю у него. Меня выталкивают из колонны, ведут туда, где стоят «специалисты». Здесь совсем мало народа.

А людей из колонны чернорабочих уже запихивают в машины. Тех, кто сопротивляется, расстреливают.

Стоим, ждем, каменяя от страха. Отто разговаривает с немцем охранником. Из разговора я поняла, что нас убивать не будут.

...На Шорной — убитые. Это те, кто пытался бежать.

Нам приказывают отнести мертвых на кладбище. Я не могу. Меня мутит.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЯЛИ БРУК

«...Я вместе с девушками устроилась на работу. Дали в руки лопату и погнали ремонтировать железнодорожную насыпь. Работали с нами и военнопленные. Труд каторжный, особенно для меня после тифа.

28 июля во время работы услышали стрельбу — в гетто погром. Возвращаться назад невозможно. Еле-еле упростили конвоира, чтобы подождал, не вел нас в гетто. Он завел нас в разрушенное здание, а сам ушел домой. Ночевали на чердаке, притаились, боялись, чтоб не заметили полицейские...

...Три дня не были дома, и я уже думала, что потеряла маму. На четвертый день, когда вернулась в гетто, увидела, что там, где мы жили, уничтожено все, кроме инфекционной больницы. На этот раз повезло, мама была жива...»

ЮЛИ НЕТ...

Жуткие дни погрома Ася провела в укрытии на Обувной. А вот Юли Горфинкель больше нет. Ее убили.

Вспоминаю: совсем недавно, когда колонна возвращалась в гетто, кто-то окликнул Юлю с тротуара. Она обернулась.

— Тетечка Маня! — вскрикнула Юля.

Женщина, смахивая слезу, закивала, но подойти к колонне ближе поначалу не отважилась.

— Как там бабушка? — спросила Юля.

Женщина помрачнела, махнула рукой, сошла с тротуара, догнала нас.

— Их всех перебили, — услышали мы. — Сигнали в колхоз Леккерта и расстреляли. Нет, деточка, твоей бабушки.

Юля побелела.

Потом она рассказала. Эта тетя Маня — из Чаусов. Соседка и приятельница Юлиной бабушки, Юля часто приезжала в Чаусы на лето. А колхоз имени Леккерта был неподалеку. В нем работало много евреев. Потому, видно, он и стал местом расправы.

...А теперь нет и самой Юли.

¹ Специалист.

² Чернорабочий.

МОЖЕТ БЫТЬ

Я рассказала Асе, что видела Вальтера в гетто.

Она уверена, что он наш разведчик или партизан, хотел кого-то найти и освободить. Возможно, для этого и расспрашивал про наших родных, соседей, знакомых.

Кто знает, может быть, Ася и права?

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЯЛИ БРУК

«...Нас перевели работать на кирпичный завод — грузили кирпич. Со мной рядом Саля Бабадзян. Саля после погрома 28 июля осталась одна, почти без одежды. У меня были на смену платья, мы делились.

С нами на кирпичном заводе работали хлопцы-белорусы. Они возили кирпич из печей, а мы грузили его на машины.

В свободную минуту собирались вместе и разговаривали. Познакомилась с парнем, которого звали Миша. Работали очень тяжело, а получали утром двести граммов хлеба и в обед котелок постного супа. Ребят кормили лучше. И Миша часто отдавал мне свой паек. Мы с ним начали строить планы, как вырваться из гетто. Миша и его друзья обещали нам помочь. Но ничего не получилось...»

ОДНОКЛАССНИКИ

Вот какова судьба друзей Мары Эйтиной, которых она знала по школе.

...Сема Маршак.

Эсэсовцы остановили его на улице.

— Почему без заплат?

А Сема заупрямился, не хотел их носить. Сколько ни просили, не прищипливал, не пришивал. Так он отстаивал свое человеческое достоинство.

Эсэсовцы приказали ему копать яму.

— Для чего? — запротестовал Сема.

Ему пригрозили пистолетом.

Сему закопали живым...

...Додик Герцик. Мара говорит, что имя этого юноши люди должны произносить с гордостью и благодарностью. Замечательный, мужественный юноша!

— Он очень доверял мне, — рассказывает Мара. — Мы ведь знакомы еще со школы! От него я слышала вести с фронта, сводки Совинформбюро. В последнее время Додик после работы часто не возвращался в гетто. Вместе с друзьями слушал по радиоприемнику Москву.

А потом Додика не стало — его схватили, пытали, повесили...

ИЗБАВЛЕНИЕ

Василь Иванович Васильев вывел из гетто свою семью — жену Фриду Абрамовну и дочку Флорочку.

Где он был до той поры, как появился в гетто, от кого узнал, что его семья здесь, не знаем.

О том, как он спас свою семью, мне рассказал Фима Осиновский, бывший ученик Фриды Абрамовны. Он очень помог ей.

Василь Иванович пришел в гетто — нацепил желтые круги и пристал к колонне, которая возвращалась с работы. Затем в сумерках, до комендантского часа, с помощью Фимы и своего друга, который стоял на другой стороне Шорной, через дырку в колючей проволоке передал маленькую Флору.

Сам Василь Иванович остался ночевать в гетто. Утром вместе с Фридой Абрамовной в рабочей колонне вышел в город.

Для Фриды Абрамовны у него были приготовлены документы,

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЯЛИ БРУК

«...Галя Тумилович говорила маме, что, если бы у нас были документы, она смогла бы нам помочь. (Мама уже несколько раз ходила к ней.) Я начала искать какие-нибудь документы.

Мне принесли (и за это спасибо) непригодную, подделанную метрику. Потом маме передали поддельный паспорт.

И вот... Галя Тумилович со своей младшей, моего возраста, сестрой Тасей подошла к ограждению. Я подкопала под ним яму. Они помогли мне перейти на другую сторону. Иду по городу, и мне кажется, что каждый встречный знает обо мне все... Мы пошли к Гале, и я жила у нее несколько дней. Вскоре пришла мама...»

ИЗ ЗАПИСЕЙ БЕРТЫ МОИСЕЕВНЫ БРУК

«...Помню слова Ляленьки: «Мамочка, как рвется сердце туда, как невыносимо здесь. Пойдем отсюда...»

В определенные дни Ляленька подходила к ограждению, где с противоположной стороны ее ждала Тася... Когда никто не видел, Тася передавала нам кое-что из еды, и я постепенно стала поправляться, искать хоть какие-нибудь документы...

Их принесли. Только срок пользования ими кончался. Боязно было, но мы отважились.

...Сначала убежала Ляленька: подкопала яму под проволокой и вышла. Я стояла, глядела ей вслед и внимательно следила за патрульными. От страха чуть не разорвалось сердце. Не помню, сколько я так простояла. Мне все казалось, что Лялю задержали и пытаются.

Для меня наступили черные дни. По договоренности я должна была выйти из гетто после того, как получу записку от Ляли. Но вестей от нее не было. И я решила идти сама.

...Мне как врачу удалось получить пропуск в город. Нужно было получить медикаменты для больницы. По этому пропуску я и еще две женщины вышли из гетто.

...Сестра Аня проводила меня до ограждения. В последний момент я уговорила ее не ждать от меня вестей... Мы условились с Лялей, что встретимся у Тумиловичей. Я пошла туда...»

ПОЧЕМУ НЕ ВСТРЕЧАЮ НИНУ?

Почему я больше не встречаю Нину Липницкую? Если у нее все в порядке, она обязательно появилась бы, подошла к колонне или хоть поглядела издалека.

Значит, что-то случилось. А вдруг ее схватили в облаве? Или угнали в Германию? Белорусских девушек Нининого возраста забирают в Германию! Нет, не хочу даже думать о таком.

Но все же что-то не так.

ФОТОКАРТЧКА

Для метрики фотокарточка не нужна. А для паспорта ее обязательно нужно иметь. Что если Нина Липницкая или еще кто-нибудь из друзей помогут достать паспорт? Надо сфотографироваться.

Фотография на улице Мясникова, поблизости от Шорной, где мы теперь живем. Здесь же и дырка в ограде, которую раньше сделал Фима Осиповский. Забавный, чуточку косолапый, близорукий мальчик. Мы всегда волнуемся за его очки. Хоть бы эти нелюди не разбили их, часом. Без очков он совсем беспомощный.

...Я решаюсь. Фима стоит на страже. Быстренько выхожу за территорию гетто, перебегаю на другую сторону Шорной. Все дрожит внутри, но ноги несут, несут вперед. Я уже на Обувной. Навстречу — два полица...

Принимаю независимый вид — доплетаю свою длинную косу. Повезло!

Вот и Мясникова. Около фотографии очередь. Этого я не предусмотрела. Снова принимаю независимый вид. Встречаюсь взглядом с людьми. Уговариваю себя, что светлые глаза выручат.

Подходит моя очередь. Поправляю воротничок, обе косы перекидываю вперед. Фотограф, молодой мужчина со сжатыми губами, бурлит меня взглядом. Фотографирует.

— Зайди в среду...

... Какое счастье идти без проклятых желтых кругов, да еще по тротуару!

Еле дождалась этой среды. Идем колонной с работы. На Мясникова срываю латки, незаметно отстаю, несусь к фотографии. Только бы не было закрыто. Но, вижу, у дверей стоят люди. Значит, работает.

Забираю фотокарточки. Ощущаю страх и беспокойство. Поворачиваю фотографию и на обратной стороне читаю: «Жидовка». Столбенею... Все пропало. Значит, заметили, выследили...

Крадусь к выходу, выбегаю на улицу. Озираюсь. Никого... Сворачиваю на Обувную, заскакиваю во двор, что напротив фабрики. Белокурая девочка сидит у окна, с интересом разглядывает меня. Ненужный свидетель.

Прячусь в уборной. Через щели вижу полицаю. Он заходит во двор, дергает дверь дома. Спрашивает:

— Сюда девка не забегала?

Испуганный женский голос отвечает:

— Нет, никого не видели.

Он ругается по-немецки и выходит на улицу. Жду, жду, жду... Наконец, прижимаясь к стене, выхожу со двора.

Как трудно бежать по пригорку на Обувной!

Выстрел! Пуля просвистела рядом. Крик:

— Стой!

Шорная! Каменный дом. Около него порванная проволока — несколько дней назад в нее врезалась машина. Это совсем рядом с нашим домом. Не помню, как влетаю в каменный дом. Сзади свист, крики. Дворами бегу дальше. До боли сжимаю в руках сумку с фотокарточками. До своих остается несколько шагов.

ГОЛОД

Страшная вещь — голод. Все время хочется есть, кружится голова, качаешься от слабости.

Думаем о хлебе — наяву и во сне. Жуем обрывки бумаги, соскребаем мел с печки... Иной раз кажется, что теряешь сознание. Боюсь, чтобы этого не заметила мама... Но она все видит. Отдает свой хлеб. Делится своей пайкой Инночка. Неужто у меня такие голодные глаза?

ВИТА

От голода спасает моя подруга Вита Рабинович. То картошки подкинет, то муки. От своей семьи отрывает...

Мы знакомы с нею не очень давно. Внешне Вита очень привлекательная. Слегка заикается, но мне кажется, что это ей даже идет. Самостоятельная, щедрая, не по возрасту мужественная. У нее убили отца и старшую сестру Цилю. Но как она держится! Только боль в глазах. Наверно, она навсегда поселилась в них, эта боль.

Вита — по-латински «жизнь»... Что же уготовила судьба девочке с таким именем?

ДЛЯ БУДУЩЕГО

Нина Шнайдер бежала от немцев из-под самой Варшавы. Там она училась в консерватории по классу вокала. Добралась как-то до Вильно, а потом война пригнала ее в Минск. Ни кола, ни двора. Единственное богатство — голос. Дивной красоты сопрано. Но кому оно нужно в войну, да еще за колючей проволокой?!

Мы познакомились в колонне. Высокая, худая, волосы у нее ослепительно рыжие, губы припухшие, какой-то отчаянный взгляд ярких серых глаз. Ей, должно быть, года двадцать два... Одна, без чьей-либо поддержки, на чужой земле, за колючей проволокой. Но беспомощной себя не чувствует. Знает польский и немецкий языки, неплохо говорит по-русски.

Вместе прибираем барак немцев железнодорожников. Узнав, что Нина училась в консерватории, они приказывают спеть песню. Нина что-то запела по-польски. Немцы остановили ее:

— Нет, не это, — и напомнили мелодию.

Девушка поначалу подхватила ее, а потом умолкла... Немцы заставляли петь «Хорста Весселя» — марш нацистов.

Немец снова приказал петь. Нина молчала. Тогда один схватил ведро с водой и вылил его на девушку.

...Вечером, до комендантского часа, я прибежала к Нине.

И тут услышала ее голос. Звучали гаммы.

— Она не только сама поет. Еще и соседскую дочку учит... Для чего? — пожалала плечами бабушка Блюма.

Но Нина, верно, знает, для чего. Для будущего...

ЗАБЫТЬ ОБ УЖАСНОМ

Спасибо, Ингрид! Сегодня я в голубой блузке, которую ты мне подарила. Удивительно, но и в этих условиях хочется хорошо выглядеть. Я даже сделала себе новую прическу. Собираю на висках волосы в валики, а потом заплетаю косы. Они уже длинные, густые. Мама говорит, что такая прическа мне к лицу.

В колонне все как-то по-новому посмотрели на меня. И так хорошо стало оттого, что почувствовала себя взрослее, что чисто одета, что люди говорят приятные слова. Хочется забыть о страшном.

Я еще ни в кого не была влюблена. Нравился сначала Миша Лубин, а потом Толя Бережков. Мишу «любили» многие девчонки. Влюбленные даже написали ему общее письмо, в котором признавались в любви, и подписались своими именами. Слава богу, меня среди этих дурочек не было.

Толя Бережков нравился мне всерьез. У него светлый чуб и голубые глаза. Мой идеал красоты. Однажды я отважилась на свой самый смелый поступок. Позвонила Толе, а когда он подошел к телефону, положила трубку на пианино и стала играть. Потом быстренько повесила трубку. Возможно, Толя и не догадался, от кого получил музыкальное приветствие, но я стыдилась при встречах смотреть ему в глаза...

Я возвращаюсь на землю... Что ж, хорошее настроение и приятные воспоминания — тоже подарок судьбы.

ЛИНА НОЙ

Нозми Руднянская, Софа Сагальчик и Лина Ной. Пожалуй, они были самыми красивыми девушками в гетто.

Нельзя забыть трагическую историю Нозми.

Софа Сагальчик погибла в одном из погромов.

А Лина Ной...

Как бы я ни старалась описать внешность девушки, сделать этого не смогу. Ясно вижу ее бледно-смуглое лицо, большие светлые глаза, пышные пепельные волосы. Фигура высокая, движения красивые, походка стремительная, гордая.

Лина стала жертвой одного из злодеяний немцев. В гетто была проведена облава и схватили девушек — самых красивых.

Их привезли на Площадь рабов, потом заперли в сарае. Они кричали, плакали, стучали в двери. Понимали, что их ждет. Там провели всю ночь.

Утром девушек повели на расстрел.

Сеня Темкин видел, как их везли. Видел и то, о чем теперь рассказывают в гетто.

Когда девушек подвели к воротам кладбища, одна из них запела «Интернационал». На нее набросились, сбили с ног. Это была Лина.

Вместе с другими ее поволокли на кладбище, приказали раздеться. Лина сопротивлялась. С нее силком содрали одежду.

Девушек расстреляли за то, что они были молодые и красивые.

«Я И ТЕПЕРЬ ЛЮБЛЮ ЕГО...»

Этим нельзя не восхищаться...

Мария Францевна снова каким-то образом проникла в гетто. Навещала своего Марка Борисовича. Ему пятьдесят лет. Пожилой большой человек. А ей около сорока. Красивая и смелая, необычайно смелая.

От Эммы, дочки Марка Борисовича, я узнала эту историю.

Марк Борисович был певцом. Его жена, мать Эммы, умерла перед войной. Эмма была убеждена, что отец останется верным памяти матери навсегда. И вдруг в их жизнь вошла эта женщина, Мария Францевна. Пианистка, она часто аккомпанировала Марку Борисовичу на концертах.

— Я ненавидела ее тогда, — вспоминает Эмма. — Папа понимал это, и, наверно, потому они не поженились. А теперь мне стыдно перед ней. Ты подумай, в который раз она приходит сюда, чтоб освободить его. А он не может ходить — ноги опухли.

«Если я решусь на это, то погублю тебя», — говорит он Марии Францевне и так нежно и тоскливо смотрит на нее.

— В последний раз, — продолжает Эмма, — я проводила Марию Францевну до кладбища, через которое она и пробирается в гетто. Я как-то спросила: «Значит, вы любили отца? Я не верила вам...»

И услышала в ответ: «Я и теперь люблю его...»

КОЛЬЦА

Я думала, что Рингмахер — это фамилия Иосифа Вульфовича. После поняла, что Рингмахером его прозвали за то, что он делает кольца. «Ринг» — по-немецки значит «кольцо».

Казалось бы, кому нужны кольца в такое время? А ведь люди берут. Иосиф Вульфович меняет их на еду, чтоб прокормить жену и ребенка. Он делает их из старых ложек и вилок.

Сколько фантазии и мастерства вкладывает Рингмахер в каждый перстенец! А получает за это кусок хлеба или пачку сахарина.

Но недавно кольца Иосифа Вульфовича понадобились и в гетто.

Рафалок Новодворец и Римма Садовская давно решили пожениться. Риммина мама плакала, когда узнала об этом.

— Не плачь, мама, — уговаривала ее Римма, — сколько отпущено нам с Рафалоком, будем вместе...

Иосиф Вульфович все понял и кольца сделал...

...Я видела эти колечки. Скромные, изящные, не из золота, не из серебра — из простого металла... Пусть они принесут Рафалоку и Римме тот кусок счастья, который предначертан им судьбой.

HEIMATLAND...

Мы не таскаем тачки — приводим в порядок дом после побелки, старательно сдираем масляную краску с пола. Сюда, на Свердлова, прислали девчат-белорусок. И так хорошо стало у всех на душе. Нет изоляции. Есть доверие, юмор, сердечность.

Девчата моют окна, раскрыли их настежь. И вдруг запели. Песне тесно здесь. Она рвется из наших сердец на волю. Запеваю свою любимую:

Широка страна моя родная...

Снизу слышны свистки охранников. Да и рядом с нами немец уже наготове.

— Was singt sie?¹ — спрашивает он у полиция.

В памяти всплывают строчки этой песни на немецком языке. Мы ведь учили ее в школе! И я запеваю ее по-немецки:

Heimatland, kein Feind
Soll dich gefährden...

Не знаю, чем бы все это кончилось, если б не появился Отто.
... И на этот раз он выручил.

УБИЛИ ФИМУ

Не скапливаться! Не скапливаться!

Немцы не разрешают собираться в гетто группами. Не более трех-четыре человек вместе. Пятого убивают...

Пятым на этот раз был Фима Осиновский. Вокруг, казалось, ни немцев, ни полицаяв не было, когда он подошел поговорить с друзьями. В той группе уже было четверо ребят. Откуда-то появился немец — и грянул выстрел.

Добрый, смелый Фима. Это он стоял на страже, когда мы через лаз пробирались в город и возвращались назад. Это он помог Василию Ивановичу Васильеву вызволить из гетто маленькую Флору.

КВИНТЕТ

На Шорной мы еще крепче подружились с Броней и Леночкой Гольдман. На Слободском все же мало знали друг друга. А тут все рядом, в одной комнате их и наша семья. Они младше меня. Броня более подвижная, активная. Леночка — задумчивая, мягкая.

... Мы организовали свой квинтет. В него входят Броня, Леночка, Вита, Инна и я. Тихонько поем советские песни. У Брони удивительно хорошая память, она знает почти все популярные песни.

Самая любимая наша песня «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою...». Удивительные в ней и слова и мелодия.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Возможно, эта встреча определит нашу дальнейшую судьбу...

Мы с Асей и Ниной давно уже заметили того человека. Не раз встречались с цепким, внимательным взглядом его глаз. В последнее время он особенно часто прохаживается по Свердлова, там, где мы работаем.

И вдруг неожиданность. Он подходит к нам.

— Девчата, гетто скоро будет ликвидировано. Вам надо бежать. Мы стоим ошеломленные.

— Кто вы?

¹ — Что она поет?

- Это не имеет значения. Я могу помочь.
- Как?
- Могу вывести из города.
- Куда?

Некоторое время он молчит, внимательно смотрит на нас. Потом говорит:

- Отведу в партизанскую зону.
- Вы партизанский связной?
- Таких вопросов не задают...
- Вы выведете всех нас?

— Нет, сначала тебя,— он показывает на меня.— А потом их, поодиночке.

- Почему меня?
- Тебя легче провести. Ты не похожа на еврейку.
- Но у меня в гетто мама, сестренка...
- А-а, всех не смогу...
- Моя мама доктор...

— Доктор? Мне нужно посоветоваться... Я приду сюда во вторник в три часа... О нашем разговоре никому...

- Вот и все. Мы долго смотрим друг на друга. Потом Ася говорит:
- Это спасение. Мы не должны отказываться...

Все-таки кто он, этот человек? Нам так хочется верить ему! Скорее бы кончился рабочий день... Скорее бы рассказать обо всем маме...

ЛИШЬ БЫ НЕ ПЕРЕДУМАЛ...

Теперь у нас с мамой только и разговоров о том человеке. Лишь бы не передумал, не подвел.

Мама говорит:

- Если нельзя будет идти мне и Инне, пойдешь одна...
- От этих слов мне становится больно и обидно.

Решаем, что в следующий вторник мама должна присоединиться к нашей колонне и пойти с нами на Свердлова. Загодя нужно попросить Отто, чтоб разрешил.

На всякий случай мама приготовила сумку с медикаментами. Осматриваем одежду, зашиваем, латаем. Холодно. Снег, морозы...

НАД МАМИНЫМ ПАСПОРТОМ

Мы склоняемся над маминым паспортом.

— Смотри,— говорю я ей,— вот «Рахиль» переправим на «Раиса», «Ароновна» на «Адамовна». Фамилия у нас, слава богу, спокойная. Ни немцы, ни полицаи не прицепятся. Правда, в графе «национальность» большая поправка... Давай попросим дядю Турецкого, он поможет.

Дядя Турецкий — наш сосед. Понятно, о том, что мы собираемся навсегда покинуть гетто, говорить нельзя. Можно сказать, что паспорт потребуется, чтобы сходить в город.

— Глупенькая,— горько усмехается мама.— Если б по таким поддельным бумагам можно было уйти из гетто, здесь давно бы не осталось ни одного человека...

Я и сама знаю это.

ВО ВТОРНИК

Он пришел во вторник в назначенный час. На нем красноармейская гимнастерка! Вижу, как выбивается из-под пальто ее воротник. Словно загнипнотизированная, смотрю на этот воротник. На душе становится немного спокойнее.

Человек в гимнастерке, так я называю его с этого момента, исчезает с мамой в глубине двора. Мы с Асей и Ниной работаем, делаем вид, что ничего не произошло. В эти минуты решается наша судьба.

...Мама возвращается. На ее лице волнение.

— Ну что?— бросаемся к ней.

— Надо идти... В следующий вторник он обещает вывести нашу семью. А потом остальных...

...Значит, первые мы.

ПРОЩАНИЕ С ИНГРИД

Уже решено: мы покидаем гетто. Сомневаемся, можно ли довериться человеку, который поведет нас за город. Но все равно рискуем — здесь, кроме смерти, ничего не дождешься.

О нашем плане никто ничего не знает.

Но интуиция у Ингрид просто поразительная. Я стою возле проволоки и молчу. И тут она спрашивает, не хочу ли я ей что-нибудь сказать.

Я отрицательно качаю головой. Ингрид просит меня подождать немного. Она быстро возвращается и протягивает мне узелок — это подарок на память.

Ингрид будто догадывается о нашем намерении.

КАК БЕЖАТЬ?

Снова и снова обсуждаем план побега. Я выхожу с рабочей колонной. Мама тоже могла бы присоединиться к ней, но Инночка... С детьми выходить за пределы гетто запрещено. Поэтому маме с Инной придется воспользоваться лазом в ограждении.

Я уже несколько раз подходила к той дырке в колючей проволоке, которую сделал Фима Осинковский. В который раз добрым словом помянула нашего друга. Слава богу, дырка есть. Ни немцы, ни полицаи пока ее не заметили.

Мама с Инной должны идти до дома на Свердлова. Тут может быть два варианта. Либо после выхода за ограждение мама присоединится к какой-нибудь колонне, а Инна параллельно будет бежать по тротуару (она светленькая, может, не вызовет подозрений). Либо мама с ней пойдет в город до назначенного места на Свердлова.

ПРОСТИТЕ МНЕ МОЛЧАНИЕ

Я смотрю на Броню и Леночку. Признание вот-вот сорвется с моих губ:

«Мы покидаем гетто!»

Увижу ли я вас когда-нибудь?

Не догадываются ли они о наших планах? Мне кажется, что в больших серых глазах Брони вопрос. Влажные, полные невысказанной печали глаза Леночки тоже наблюдают за нами.

Простите меня, девочки, за это молчание.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Последняя ночь на Шорной. Не могу уснуть. Молча прощаюсь со всеми, кто остается в гетто.

Очень боюсь: хоть бы завтра с утра немцы не устроили погром. Хоть бы маме с Инной удалось бежать.

Мама тоже не спит, ворочается. Только Инночкино дыхание ровное, спокойное...

...Завтра мы навсегда покинем гетто. И, что бы нас ни ожидало, сюда уже не вернемся. Мы готовы ко всему. Если впереди смерть — встретим ее достойно. Если жизнь — пусть подарит она нам свободу. Пусть не остудит нашей ненависти к фашизму, даст силы бороться с ним.

Мы идем искать партизан. Мы идем к своим.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ...

Я не придумала эту повесть. А рассказала то, что продиктовала мне память.

О том, как мы стали партизанами 12-й кавалерийской бригады, командиром которой был Владимир Андреевич Тихомиров, впоследствии Герой Советского Союза, можно написать отдельную книгу.

Вырвались из гетто только некоторые из тех, о ком я пишу в этих «Письмах...».

Ане Ботвинник помог убежать человек, имя которого мы вспомним с благодарностью, — Отто Шмидт. И Аня стала партизанкой.

Сарра Левина, Броня Гольдман, Вита Рабинович и Берта Моисеевна Брук с дочерью Лялей, записи которых я привожу, тоже были в партизанских отрядах. Ляля погибла в уже освобожденном Минске во время последней бомбежки города.

...Разные у меня были встречи с людьми, которые в памяти с тех самых страшных дней моей жизни. С Борисом Левиным я встретила, когда взяла в руки книгу стихов для детей и на обложке прочитала имя автора — Бер Сарин. Бер Сарин — это псевдоним поэта и художника Бориса Левина. Он назвал себя некогда Сарин, полюбив девушку — Саррочку.

...Поставлена последняя точка. Но книга эта еще не окончена. Потому что не кончается память, покуда человек дышит, работает, живет. Наверно, я буду писать ее всю жизнь...